

Бой тигров в долине. Том 1

Автор:

Александра Маринина

Бой тигров в долине. Том 1

Александра Маринина

Упав с балкона одного из московских домов, насмерть разбилась молодая девушка Екатерина Аверкина. Многие соседи, гулявшие в этот момент во дворе, видели, как Катю толкнула вниз ее старшая сестра Наташа. Ее сразу арестовывают. Девушка в шоке – во время трагедии она... гуляла по Москве со своим молодым человеком Ленаром! Но доказать это невозможно – свидетельские показания перечеркивают все доводы Наташи, и, кажется, ничто не в силах ей помочь. Однако делом Аверкиной-старшей заинтересовались адвокат Виталий Кирган и оперуполномоченный Антон Сташис. В ходе расследования они обнаруживают неожиданные факты, которые в конце концов приведут их к ошеломляющей разгадке...

Александра Маринина

Бой тигров в долине. Т. 1

Не делай людям того, чего не желаешь себе.

Конфуций

Бывший старший участковый Валентин Семенов все еще не мог понять, нравится ему его новая работа или нет. Семью надо кормить, поэтому из рядов органов внутренних дел он уволился и поступил на работу в частное детективное агентство. Там платили куда больше, а вот насчет того, интересна ли работа, –

это еще надо посмотреть. Вот, к примеру, задание, которое он получил сейчас, было ему совершенно непонятно. Дурь какая-то! И кому это нужно? И зачем? Конечно, задание сложное, и выполнял он его не в одиночку – все агентство трудилось без сна и отдыха несколько недель, а докладывать и вообще общаться с заказчиком хозяин агентства поручил именно ему, Валентину. Чего-то не понравился хозяину заказчик, а уж как там и чего – Семенов вникать не стал. Ему велели – он делает.

И не сказать чтоб самому Валентину этот заказчик нравился. Крученный он какой-то, денег куры не клюют, это сразу видно, и мужик, видимо, просто с жиру бесится, не знает, на что потратить. И требования у него странные, не знаешь, как угодить. Смотрит на Валентина с загадочной усмешкой и цедит:

– Нет, это категорически не пойдет, я же предупреждал: никаких больных детей и умирающих престарелых родителей, никаких наркоманов и игроманов, нуждающихся в срочном лечении. Здесь нет дилеммы, здесь решение очевидно. Мне нужны более тонкие, неоднозначные варианты.

Тонкие варианты... Понимать бы еще, что это такое. Семенов быстро пролистал толстую папку с распечатками, выбирая то, что не связано с необходимостью дорогостоящего лечения по жизненным показаниям. Осталось совсем мало, всего пятнадцать вариантов, даже стыдно такое докладывать. А ведь было-то больше восьмидесяти! По дороге сюда, на встречу с заказчиком, которая почему-то назначена в пятизвездочной гостинице в центре Москвы, да еще в выходной день накануне Восьмого марта, Семенов то и дело косил глазами на толстую папку и предвкушал удивление, дескать, надо же, как много сделано, какой объем работы провернули! Он был уверен, что заказчик останется более чем доволен. А он и не доволен вовсе, вон морду кривит, головой качает. И прихвостни его, мужик и баба, что сидят по обе стороны длинного стола, тоже в такт ему кивают, соглашаются. Валентин досадовал сам на себя: лица-то он запоминает влет, один раз увидел человека – и всё, уже не забудет, а вот с именами беда, не держатся они у него в голове – хоть плачь. И имя заказчика ему сто раз говорили, и прихвостней этих представили, как только он вошел, а у него в памяти пустота – ни фамилий не может вспомнить, ни имен. Ну да ладно, пусть так и остаются: заказчик, мужик и баба. Так проще, по крайней мере он не запутается.

– Так что, медицинскую проблематику вообще не предлагать? – спросил Валентин.

– Нет, отчего же, – усмехнулся заказчик, – медицинская проблематика годится, только болезни должны быть нетяжелыми, и проблема лечения не должна носить витальный характер. Можно лечить, а можно и не лечить, никто не умрет. У человека должен быть выбор, понимаешь?

Выбор... Можно лечить, а можно и не лечить... Черт его разберет, что у него в голове, у заказчика этого. Семенов вздохнул и продолжил докладывать, с сожалением глянув на красивую чашку с остывающим чаем. Чай здесь подали необыкновенно вкусный, Валентин такого сроду не пробовал, а вот допить никак не получается, все время приходится говорить. Надо бы узнать, что это за сорт, как называется, может, он не сильно дорогой и вполне можно будет купить. Солнечный луч украдкой протиснулся между не до конца сдвинутыми полотнищами тяжелой шторы и медленно полз поперек длинного стола, достигнув открытой коробки с шоколадными конфетами ручной работы. Ну вот, если коробку не сдвинуть, шоколад начнет подтаивать, и конфету уже нельзя будет взять, не рискуя перепачкаться. Значит, их есть не станут. А ведь такие деньги заплачены! Эх, эту коробку бы ему домой забрать, пусть бы дети поразовались.

Он думал про конфеты и одновременно говорил, глядя в бумаги.

– Нет, – подал голос мужик среднего роста, симпатичный, но в целом невзрачный, зато в дорогом костюме, со вкусом подобранной рубашке и в галстук, на котором красовалась знаменитая Горгона Версаче, – открытие нового бизнеса тоже не годится, тут я против.

– Почему? – удивилась женщина, сидящая напротив него, красивая стройная брюнетка лет тридцати трех или чуть больше, в деловом черном костюме, с длинными блестящими волосами, собранными на затылке в строгий тяжелый узел. – Разве это не проблема?

– В наше время? – ехидно хмыкнул мужчина в галстук от Версаче. – Это более чем сомнительное предприятие. Страна еще из кризиса не выбралась, сейчас открывать новый бизнес может только самоубийца. Или полный идиот. И деньги на это давать тоже может только полный идиот.

Вот в этом Семенов был с ним полностью согласен и начал испытывать к обладателю галстука нечто вроде симпатии. Невзрачный-то он невзрачный, а

голова соображает, не то что у некоторых.

– Но банки же выдают кредиты... – попыталась возразить брюнетка. – В том числе и под бизнес-планы.

– То банки, а то – частное лицо. Нет, нормальный человек на это не пойдет. Рискованно, бессмысленно. В общем, нет.

Голос невзрачного мужчины прозвучал твердо, но Семенову показалось, что он отчего-то нервничает. Впрочем, наверное, просто показалось, ибо поводов для нервозности Валентин не видел. Брюнетка бросила на коллегу быстрый острый взгляд, в котором Семенову почудилась хорошо скрываемая досада. Что-то между этими прихвостнями происходит, подумал он, какие-то у них терки между собой.

Семенов посмотрел на заказчика, но тот промолчал, только губами пожевал. Он вообще говорил мало, сидел развалившись, внимательно слушал, поглядывал на своих прихвостней и легонько усмехался. Чему именно – Семенов не понимал. Заказчик – мужиковатый, с грубо вылепленным лицом крестьянина и цепкими умными глазами – довольно странно смотрелся в обставленных дорогой мебелью президентских апартаментах отеля. Надень на него другую одежду – и в жизни не подумаешь, что миллионер. А вот внешние атрибуты недвусмысленно показывают, что не бедствует человек. На крупном, покрытом рыжеватыми волосами запястье левой руки поблескивают часы ценой в приличный автомобиль. Что уж говорить о стоимости этих апартаментов!

– Что у тебя еще есть? – негромко спросил он.

Валентин с сожалением отложил листок и вытащил следующий.

– А вот это неплохо, – в голосе заказчика зазвучало одобрение, – это пойдет. Как вы считаете?

Он переменил позу, нагнувшись вперед и опершись локтями о столешницу, при этом рукав пиджака сдвинулся, и Валентину бросились в глаза бриллиантовые запонки на манжетах сорочки. В общем-то, он не был таким уж знатоком, чтобы на расстоянии трех метров отличить настоящий бриллиант от страза, но разве кому-нибудь придет в голову, что человек с такими дорогими часами станет

носить запонки с поддельными камушками?

Заказчик внимательно посмотрел на своих помощников, мужчина с Горгоной энергично закивал, дескать, согласен полностью, а красивая брюнетка только многозначительно улыбнулась. Заказчик на некоторое время задержал на ней взгляд, словно изучал. И вообще, Семенову показалось, что этому человеку куда интересней наблюдать за своими прихвостнями, чем слушать его доклад. Черт возьми, да в чем же тут фишка-то?!

– Значит, решено, этот вариант оставляем. – Заказчик легонько ударил рукой по столу. – Давай дальше.

Семенов послушно продолжил докладывать. Его то и дело перебивали:

– Это не годится, это слишком однозначно...

– Это не пойдет, здесь не будет коллизии...

– Это нормально, оставляем...

Как ни силился бывший участковый, ему так и не удалось установить закономерность, в соответствии с которой одни предлагаемые варианты отвергались, а другие принимались. Лично ему они все казались одинаковыми.

– Спасибо, Валентин, – сказал ему на прощание заказчик, и Семенов с удивлением и даже уважением подумал о том, что этот миллионер в отличие от него самого имя докладчика запомнил. – Ваша контора проделала хорошую работу. Мы посоветуемся, выберем из того, что вы нам предложили, окончательный вариант и поставим вашего шефа в известность.

– Зачем? – удивился Семенов, собирая бумаги в папку. – Вы не обязаны.

– Ну, разумеется, я не обязан, – рассмеялся заказчик, и в этом смехе Валентину слышалось высокомерие барина, соизволившего посмеяться шутке холопа. – Но это необходимо, потому что именно с этим окончательным вариантом вашей конторе предстоит работать и дальше. Нам нужна будет информация, много, очень много подробнейшей информации, и собирать ее будете именно вы. Я

вашу контору купил на корню, и на долгий срок, имей это в виду. Так что мы с тобой еще встретимся, и не один раз. Будешь регулярно приезжать сюда с докладами, с твоим шефом я уже договорился, никого другого мне тут не надо.

Именно так и сказал: «мне тут не надо». Не «нам», а «мне». Ему лично то есть. А как же брюнетка и симпатичный мужичок с Горгоной? Они не будут больше присутствовать, когда Валентину придется докладывать? Зачем тогда сейчас они здесь? Да и про информацию он говорил: «нам нужна будет». Голову ломаешь с этими миллионерами! Никогда не угадаешь, что у них на уме. Нет, скорее всего прихвостни тоже будут здесь, просто этот заказчик считает себя пупом Земли, привык быть самым главным для самого себя, а других вовсе не замечать.

«Тоже мне, обрадовал, – думал Семенов, спускаясь в лифте на первый этаж. – Вот счастье-то – видеть эти рожи. Контору нашу он, видите ли, на корню купил! Терпеть не могу таких людей, которые считают, что могут купить всё и всех. Впрочем, может, я зря гоню, не такие уж они и противные, а если честно – то совсем не противные, вежливые, чаю подали, не хамят, не грубят. Заказчик на «ты» обращается, не очень-то это приятно, но ничего, я привычный, в ментовке у нас тоже все начальники подчиненным «тыкают». Может, все еще и обойдется без крови».

В июле 2010 года в Москве стояла страшная жара, и даже за городом, где Владимир Григорьевич Забродин построил особняк, спасения от нее не найти. Если только жить под струями прохладного воздуха из кондиционера...

Воскресенье для миллиардера Забродина обычно ничем не отличалось от будних дней, кроме одного: он завтракал вместе с женой Анной, которая много и активно работала, вставала и уезжала в Москву с утра пораньше и только в выходные дни могла себе позволить выходить к завтраку одновременно с мужем. Вот и сегодня она сидит напротив Забродина за длинным столом с мраморной столешницей, спортивная, подтянутая, в шортах и легком топики, и поглядывает на него то настороженно, то излишне внимательно, словно чем-то обеспокоена и хочет о чем-то спросить, но не решается. Однако все-таки решилась:

– Такая отвратительная погода, и никакого облегчения в ближайшее время синоптики не обещают. Почему ты никуда не едешь? Ты же всегда в июле стараешься уехать туда, где поприятнее климат, а в этом году ты и на новогодние каникулы не уезжал, и теперь в Москве сидишь. У тебя что, сложная ситуация в холдинге?

Забродин сделал глоток чаю и задумчиво посмотрел на жену, прикидывая, сказать ей правду или солгать что-нибудь простенькое и понятное. Обманывать жену у него привычки не было, Анна слишком умна, чтобы давать ему повод сказать неправду, она никогда за все совместно прожитые годы не задала ему неудобного вопроса, на который нельзя было бы ответить честно. Разумеется, Забродин ей изменял, он всю жизнь постоянно менял женщин, потому что они быстро ему надоедали, и ни одной из своих трех жен он не сумел сохранить верность даже в первый год после свадьбы. Но Анна была единственной из них, кто не выказывал подозрений и сомнений в его супружеской честности. Владимир Григорьевич отдавал себе отчет в том, что эти сомнения и подозрения у жены наверняка были, но у нее хватало внутренней выдержки и самообладания, чтобы их не демонстрировать. А ни по какому другому поводу врать Анне смысла не было. Да и вряд ли у него получилось бы, потому что Анна – опытный психолог, психотерапевт, она в людях разбирается едва ли не лучше, чем сам Забродин, а уж в своих-то способностях видеть людей насквозь Владимир Григорьевич был более чем уверен.

– Анята, скажу тебе честно, – улыбнулся он. – Надоело все – сил никаких нет.

В глазах жены он заметил искорки внезапного интереса. Все-таки профессиональный психолог, никуда не денешься.

– Что значит – надоело? Ты хочешь избавиться от своего хозяйства? Продать холдинг?

– Да нет, до этого пока не дошло. Но скучно мне, понимаешь, девочка?

Анне Забродиной уже исполнилось сорок пять лет, но с высоты своего возраста Владимир Григорьевич, справивший в прошлом году шестидесятилетие, считал возможным называть ее «девочкой» и относился как к молодой и малоопытной, несмотря на крепкую профессиональную репутацию жены и ее ученое звание доктора наук.

– Скучно? – переспросила Анна чуть тревожно и снова присела к столу, из-за которого уже встала, готовясь уйти работать в свой кабинет.

– Скучно, – повторил он. – Я без малого двадцать лет ездил за границу, объездил практически весь мир, и что? Еще год назад мне это было интересно, меня это будоражило, развлекало, я получал удовольствие от путешествий, от новых стран, новых пейзажей, новой кухни. И вдруг понял, что больше не хочу. Мне больше не интересно.

– А ты себя хорошо чувствуешь? – заботливо спросила Анна. – Ничего не беспокоит? Может быть, пришло время обратиться к врачам? Нет?

Вот еще, этого только не хватало! Да у него здоровья – на семерых хватит. Не к «мозгоправу» же идти с такой проблемой, тем более дома и без того есть свой собственный психотерапевт. Но в профессиональных услугах жены он не нуждается, он прекрасно справится сам. И он уже придумал, как именно это сделать. Надо успокоить Анну, пусть не волнуется; к тому же и повода для волнений нет ни малейшего.

– Да нет, Анюта, со мной все в порядке. Вся моя скука – здесь, – показал он на голову и на сердце. – Накушался я. Всё, больше ничего не хочу. Кураж пропал. Азарта нет. Ты не беспокойся, я здоров.

Она подошла и ласково взъерошила волосы на его голове.

– Володенька, ты просто ужасно устал. Это и немудрено, если учесть, сколько лет ты непрерывно и напряженно работаешь. Все-таки владеть и руководить таким огромным холдингом – это невероятно тяжело. Скука пройдет, ты отдохнешь какое-то время, и все наладится, не грусти. А может, это и к лучшему, что ты никуда не будешь ездить. Посиди дома, книжку, наконец, почитай. А то ты, по-моему, за последние пятнадцать лет ни одной книги не прочел, а ведь сейчас столько всего интересного издают. Или кино хорошее посмотри, сейчас все хорошие фильмы есть на дисках, в том числе и классика, и наша, отечественная, и зарубежная.

Книги! Пятнадцать лет! Да Забродин не то что пятнадцать, он сорок пять лет ничего не читал. Последняя прочитанная им книга была в списке обязательной литературы в десятом классе, «Молодая гвардия» Фадеева. На этом знакомство

с художественной литературой Владимир прекратил навсегда. Ему не интересны были чужие судьбы и переживания, он всю жизнь думал только о том, как заработать деньги, и побольше, и как их потратить, чтобы получить удовольствие. Ну и, разумеется, о том, как их приумножить. Что же касается фильмов, то у него просто не было свободного времени для того, чтобы сесть перед экраном домашнего кинотеатра, поставить диск и спокойно посмотреть картину. Не тот образ жизни ведет Владимир Григорьевич, чтобы предаваться такому времяпрепровождению. Он, конечно же, включал телевизор, если бывал дома и у него находилось немного свободного времени, что случалось нечасто, но то, что показывали, его не устраивало, потому что показывали в основном боевики или какие другие шедевры про борьбу хороших парней с плохими. У таких картин лекало было выкроено по голливудскому стандарту, то есть с самого начала известно, что хорошие парни победят плохих. А это Забродину скучно, не любит он предсказуемых финалов, драйва нет. Была бы у него возможность, он бы смотрел другие картины, например японских кинорежиссеров, у которых менталитет совсем не американский и даже не европейский, и никогда не знаешь, чем закончится фильм. Правда, Анюта говорила, что в сороковые-пятидесятые годы в Голливуде еще не было такого стандарта и фильмы этого периода ему понравились бы, но он ей не верил. У него сформировался свой взгляд на американское кино, и он пребывал в святой уверенности в том, что оно ему не подходит. И переубедить Забродина не мог бы никто: единожды утвердившись в каком-либо мнении, он его уже не менял.

Владимир Григорьевич ничего не ответил на реплику жены, молча прижался щекой к ее руке, лежащей на его плече, и поднялся из-за стола.

– Ты уезжаешь? – спросила Анна. – Отдохни хотя бы сегодня, ведь воскресенье. И жара просто невыносимая. Побереги себя.

– У меня совещание, девочка, я вызвал людей, не могу же я взять и не приехать. Ты будешь дома?

– Куда ж я денусь в такую погоду, – вздохнула Анна. – Сяду под кондиционер и буду работать, у меня через месяц срок представления первого варианта монографии. Ну, удачи тебе, милый.

– Спасибо.

Забродин вышел из особняка и в сопровождении дюжего охранника направился к машине. В доме было прохладно, кондиционеры в эту жару вообще не выключались ни днем ни ночью, и в машине хороший кондиционер, и в гостинице, где состоится совещание, – тоже, так что Владимир Григорьевич даже в такую немыслимую для московских широт стойкую жару мог позволить себе не отказываться от привычек в одежде и по-прежнему носить дорогие костюмы. А вот охраннику, одетому, как полагается, в костюм, наверное, тяжело, он ведь с восьми утра как смену принял, так и стоял на лужайке перед входом в дом. Ну, да не Забродина это забота, в конце концов, каждый делает свое дело и получает за него свой доход.

В воскресенье дорога до центра Москвы совсем свободная, машина несется быстро, почти не останавливаясь, и мысли Забродина текут плавно и размеренно. Какие все-таки люди смешные! И почему не принято еще в школьные годы обучать их обращению с деньгами? Ведь это самая насущная необходимость. А то получает человек деньги и совершенно не представляет, что ему с ними делать и вообще как себя вести. Вот, например, два товарища, вместе со школьной скамьи, казалось бы, жить друг без друга не могут, даже жены их ревнуют. И один из друзей узнает, что через полгода у него будет огромная, по его представлениям, сумма. А у другого есть финансовая проблема: ему, кровь из носу, надо поставить дорогой памятник на могилу родителей. Он умирающей матери пообещал, что поставит именно дорогой большой памятник, и теперь считает своим сыновним долгом обещание выполнить. А денег нет, ведь памятник с граверными работами стоит ох как недешево. И вот мучается он своим невыполненным обещанием уже четвертый год, с тех пор как мать похоронил, отец-то у него лет десять назад умер, и нет этому мужику ни сна, ни покоя. А тут вдруг его задушевному дружбану счастье привалило в виде огромной суммы, которую он, правда, пока не получил, но через несколько месяцев получит. Конечно, счастливчик немедленно предложил своему другу безвозмездно ссудить его деньгами на памятник. Тот обрадовался, кинулся в кладбищенскую контору цены узнавать и камень заказывать, да не простой, а какой-то особенный, который еще доставлять издалека придется. И все бы ничего, если бы внезапно разбогатевший счастливчик не начал брать в долг под гарантию денег, которые он когда еще получит. Тайная страсть у него: азартные игры. И то, что в черте Москвы казино позакрывали, его не останавливает, как говорится, женщина, которая любит стирать, всегда найдет воду. Вот и этот игрок свою лужу нашел. Частные детективы, которых нанял Забродин, глаз с него не спускают и подсчет всех взятых в долг денег ведут, и уже сегодня получается, что набрал он кредитов на сумму, превышающую будущий доход. Совершенно понятно, что при таких раскладах никаких денег на

памятник он своему задушевному другу уже не даст, на покрытие долгов хватило бы. Но весь драматизм ситуации состоит в том, что безутешный сын поверил в слова легкомысленного друга и занял деньги, чтобы внести аванс за камень. Занял в расчете на то, что через несколько месяцев друг, выполняя обещание, даст ему деньги. А денег-то, по всему виду, не будет. Нет, Владимир Григорьевич Забродин решительно не понимал, как можно так поступать, причем не понимал он ни одного друга, ни другого. Ведь должна же у человека быть элементарная культура обращения с денежными суммами, кредитами, долгами и авансами! А этой культуры ни у кого нет. Ну, почти ни у кого, за редким исключением.

Или взять другой пример: женщина сильно пострадала в автоаварии, осталась с изуродованным лицом. Причем когда после аварии ее доставили в больницу, то сразу предупредили: жизнь спасем, а лицом заниматься не будем, у нас таких специалистов нет, и вообще это лечение платное. Денег на такое лечение тогда у семьи не было совсем, но тут объявился брат мужа и дал нужную сумму со словами: возьми, пусть сделают операцию, а долг отдашь, когда сможешь. Не сможешь отдать – тоже не страшно. Операцию сделали, но очень плохо, топорно, кроме того, возникли осложнения, и страшный шрам, пересекающий лицо от виска до подбородка и спускающийся на шею, стал еще более заметным и уродливым. Женщина относительно молодая, у нее есть любимый муж и маленький ребенок, и ей, само собой, не хочется жить с таким лицом, которое надо прятать от окружающих. А пластика стоит дорого. И они с мужем копят на операцию, ужимая себя во всем и откладывая каждую копейку. И вот перед мужем маячила перспектива получения больших денег. Что сделал бы нормальный человек в такой ситуации? Ясное дело: начал бы узнавать про клиники и хороших врачей, собирать информацию, чтобы к моменту получения обещанной суммы иметь крепкий плацдарм для быстрого принятия правильного решения и сразу же начать лечить любимую жену. А этот чудак что творит? Он взял все, что с таким трудом было накоплено, и отдал брату в счет погашения долга. У него, видите ли, моральные обязательства, хотя брат ни на чем не настаивал, о долге не напоминал и никак не намекал на то, что денежки надо бы вернуть. Жене же этот герой говорит, что получит деньги и они смогут оплатить операцию в самой лучшей клинике, даже за границей. Она верит, а что ей остается? Лично Забродин так никогда не поступил бы, просто потому, что никогда не верил в виртуальные доходы, которые то ли будут, то ли нет, во всяком случае, сегодня их нельзя пощупать и потратить. Мало ли как жизнь повернется? Вдруг это все обман и никаких денег не будет? И что тогда делать? Конечно, долги надо отдавать, с этим никто не спорит. Но и женам помогать надо, это тоже не обсуждается. В конце концов, кому тяжелее: мужчине,

которому брат дал денег и не требует возврата, или женщине, которая осталась уродиной? Мужчина-то свою проблему решил, часть долга вернул, тем самым как бы заявив, что он не захребетник и за чужой счет жить не намеревается. А вот с женщиной как быть? Ее проблему кто решать будет? Муж, когда получит деньги, если, конечно, получит? Это еще неизвестно, как он себя поведет. Сегодня обещает золотые горы, а потом? Кому, как не Забродину, знать, что с человеком делают живые деньги, оказавшиеся в руках. Этот человек еще денег не получил, а уже предал жену, что же будет, если он их получит? Нет, не хватает нашим соотечественникам финансовой культуры, не хватает...

Забродин вышел из машины перед входом в гостиницу и вошел внутрь, охранник молча двигался рядом. Вот и президентские апартаменты на пятом этаже. Владимир Григорьевич бросил взгляд на запястье: часы показывают семь минут двенадцатого. Всего семь минут опоздания для финансиста такого масштаба – это как-то несерьезно. Подчиненные должны ждать часами, только тогда они по-настоящему чувствуют власть руководителя и собственную ничтожность. Он слегка улыбнулся и толкнул тяжелую дверь. Охранник протиснулся следом и занял место на стуле в маленькой прихожей. Вообще-то стул здесь предусмотрен не был, но по просьбе Забродина его принесли. Совещания долгие, нечего парню на ногах время проводить; случись какая невзгода – а у него мышцы устали.

Разумеется, все уже в сборе, ждут Забродина. И Юленька Шляго, и Славик Суханов. Ну и, конечно, Семенов, бессменный докладчик собранной информации. Семенов Владимиру Григорьевичу чем-то сразу приглянулся, давно еще, когда только-только начиналась работа, и Забродин поставил перед владельцем детективного агентства вопрос о том, чтобы на совещания приезжал именно этот сотрудник. Когда-то Владимир Григорьевич начинал собственный бизнес вместе с близкими друзьями, которых знал много лет. Одного из них он сделал своим помощником, а когда тому пришло время уходить на пенсию, взял на его место Юлию Шляго. А другому старому товарищу, Коле Самойлову, поручил организовать службу безопасности. Но и он был человеком того же поколения, что и сам Забродин, то есть возраст у него уже далеко не юный, и пора ему на покой. Забродин давно присматривает человека, которым можно было бы заменить Самойлова, и вот этот Валентин Семенов кажется ему вполне подходящей кандидатурой: и опыт работы в милиции немалый, и связи есть в «органах», и толковый, и держится хорошо. Но надо, конечно, присмотреться к нему повнимательнее, а для этого сделать так, чтобы с докладами приезжал только он. Затея у Забродина длинная, долгая, на много месяцев, так что времени изучить кандидата вполне хватит.

Юленька, красавица, сидит, чуть отодвинувшись от стола и скрестив руки на груди, брови слегка сдвинуты, между ними на лбу пролегла маленькая складочка. Она вообще девушка серьезная. Да, ей прилично за тридцать, но для Забродина она совсем ребенок. А Славка Суханов уже бумажки свои разложил, схему на специально купленные и принесенные сюда демонстрационные доски прикрепил, цветные маркеры приготовил. Стараются парень, ну, это и правильно, он свою немалую зарплату честно отрабатывает. Даже странно, что у такой матери, как Славкина, мог вырасти столь исполнительный и покладистый сынок. Мать своего помощника Владимир Григорьевич видел всего один раз, в прошлом году, когда устраивал большой прием по случаю своего шестидесятилетия. Помощники, разумеется, тоже получили приглашения на две персоны, и Юлька притащила своего телевизионщика, а у Славки жена приболела, вот он и привел с собой матушку, которая аккурат в это время приехала к нему в гости из какого-то дальнего городка. Ну, я вам доложу, и штучка! Никого не боится, ничего не стесняется, смотрит прямо в глаза, и улыбочка у нее такая нахальная, дескать, в жизни ни от кого не зависела и зависеть не собираюсь. И с Забродиным разговаривала так, словно он ей ровня. Он-то, Владимир Григорьевич, подошел перекинуться несколькими словами просто как гостеприимный хозяин, одолжение, можно сказать, сделал, а то ведь и вовсе мог не заметить и даже головой не кивнуть, но подошел, слова какие-то необязательные произнес, а она ему с этой своей улыбочкой: «Так вот, значит, у кого мой Славка в холуях бегаёт? Ну-ну». И руку Забродину протянула, высоко так, словно для поцелуя. Ну, с поцелуем-то ей, конечно, обломилось, но на разговор она юбиляра все-таки спровоцировала. Владимир Григорьевич, сам не ведая почему, вдруг кинулся защищать своего бессменного помощника, дескать, никакой он не холуй, а вовсе даже замечательный и незаменимый сотрудник, но стоявшая перед ним женщина продолжала насмешливо смотреть прямо ему в глаза и улыбаться, а он, произнося слова, никак не мог перестать разглядывать ее более чем экстравагантный наряд. Да, эта дамочка была ни на кого не похожа. И хороша необыкновенно, несмотря на возраст, ведь если Славке в прошлом году исполнилось тридцать семь, то ей-то уж должно быть к шестидесяти, она самому Забродину ровесница. Но хороша, чертовка! А вот Славка, видать, не в нее пошел, хоть и симпатичный парень, но никакой. В отца, наверное. И неудивительно, что рос с одной матерью, без отца, если отец у него такой же, как он сам, то такая штучка, как Славкина матушка, подобного мужа терпеть рядом с собой не стала.

Совещание началось, Семенов смотрел в свой ноутбук и иногда заглядывал еще в какие-то бумаги, видно, в агентстве не успевают всю информацию переносить

на компьютер.

– Виктор и Павел Щелкуновы... – произнес он, и Забродин тут же перебил его, недовольно поморщившись:

– Я же просил: никаких фамилий, у меня от них голова пухнет, я их все равно не запоминаю. Говори так, чтобы я понимал. Два брата, два друга, две подруги, муж и жена. Понял?

– Так точно, – нисколько не смутившись, отрапортовал Семенов, – понял. Итак, два брата. Если вы забыли – напоминаю: у одного травма колена, давняя, требуется замена коленного сустава. Без этого вполне можно прожить, но со временем парень начнет хромать, и с годами все сильнее. Другой – бомбила, попал в аварию, разбил машину-кормилицу.

– А кто получит деньги? – поинтересовался Забродин.

– Бомбила.

– Почему? – вскинул брови Владимир Григорьевич. – Почему не тот, у кого больное колено?

– Но вы сами так решили, Владимир Григорьевич. – Суханов оторвался от своей писанины. – Все решения принимали вы сами.

– Да? – Забродин задумчиво почесал переносицу. – Наверное, у меня были какие-то соображения. Но сейчас я уже не вспомню, какие именно. Ладно, пойдем дальше. Так что там с братьями?

– Они пытаются разыскать Дениса. Пока что это у них не очень получается, все-таки они простые ребята, в органах у них связей нет, но они их ищут. И похоже, что найдут. Очень упорные, настойчивые.

– А что с деньгами делать собираются?

– Пока что решили поделить на три части.

– На три? – переспросил Суханов, быстро записывая. – Почему на три? Их же двое.

– У них еще родители в области живут, в собственном домике, – пояснил Валентин. – Домик – одно название, покосился, сгнил, в общем, вот-вот развалится и требует капитального ремонта. Братья решили дать денег родителям на дом, а что останется – поделить поровну, одному на новую машину, другому на колено.

– Надо же, – желчно усмехнулся Забродин, – Дениса они хотят найти... Ну, и что ты скажешь, Славик? Во сколько ты оценишь такой порыв?

Суханов оторвался от своих записей и поднял глаза к потолку.

– Я бы дал сорок, даже сорок пять.

– Ну, это ты хватил, братец! – фыркнул Владимир Григорьевич. – Куда сорок-то? А ты что молчишь, Юля? У тебя есть мнение?

– Двадцать, – коротко и негромко произнесла Юлия Шляго.

– Это разумно, – согласно кивнул Забродин. – Славка, пометь там на своей схеме. Я бы дал даже пятнадцать, но слово женщины – закон.

Он специально так сказал, на самом деле он был полностью согласен с Юлией, но ему хотелось посмотреть на реакцию Славки, который лицом владеет не очень умело, и все мысли его для Забродина как на ладони. А вот Юля молодец, хорошо держится, ничего по ее лицу не угадаешь. Хотя тут и угадывать-то особо нечего, Владимиру Григорьевичу мысли помощников известны и понятны. Но все равно наблюдать за ними страшно интересно, едва ли не интереснее, чем осуществлять саму затею.

Суханов поднялся, подошел к схеме и красным маркером сделал пометку.

– Интересно, кто-нибудь еще захочет пацана найти или эта парочка останется уникальной? Какая там у тебя есть информация, Валя? – спросил Забродин.

– Больше никто не ищет, – сообщил Семенов. – Пока. Так, теперь следующая пара...

– Погоди, – оборвал его Владимир Григорьевич. – Славка, что ты там все время пишешь?

– Я записываю то, что сообщает нам Семенов.

– Зачем? – удивился Забродин. – Он же после каждого доклада оставляет нам всю информацию на диске или на флэшке, распечатай да читай в свое удовольствие, если что забудешь.

Суханов, занимающий такую же должность, как и Юленька, но считающийся старшим помощником, поднял голову и преданно заглянул в глаза шефа:

– Я записываю кратко, только самую суть, чтобы вам не пришлось перечитывать всю информацию полностью, ее же очень много. Я должен беречь ваше время, это моя работа.

Ну, тоже верно, в общем-то... Или он подлизывается? Да нет, не должно быть, просто Славка по-настоящему предан своему шефу, да и дело свое старается делать исправно. На то и помощник, чтобы помогать, в том числе и время экономить.

– Ладно, пиши, писатель. Давай дальше, Валентин.

Далее последовал отчет о двух подругах, которые работают вместе в научно-исследовательском институте, занимаются чем-то из области микробиологии и живут в одной квартире. Квартира принадлежит подруге номер один (так Семенов поименовал одну из женщин, памятуя требование Забродина), а квартира подруги номер два выгорела при пожаре, и жить в ней нельзя, пока не сделаешь ремонт, на который нет денег. У подруги номер один есть сын младшего школьного возраста, мужей нет ни у той, ни у другой. Подруга номер один собирается помочь подруге номер два отремонтировать квартиру, но подруга номер два пока отказывается. Она считает, что лучше потратить эти деньги на стажировку в Штатах и на закупку новейшего продвинутого оборудования, которого в нашей стране пока нет, но которое абсолютно необходимо им обеим и всей их лаборатории для проведения своих научных

исследований. Судя по их разговорам, они к этим деньгам относятся как-то несерьезно, не верят, что смогут их получить и что это не розыгрыш, поэтому в основном хохочут и шутят на тему внезапного грядущего обогащения.

– Вообще они такие веселые обе, очень оптимистичные и легкие, – завершил Семенов эту часть отчета.

– Ну, ясно, – покачал головой Забродин. – Сразу видно: дуры набитые.

И метнул незаметный взгляд на Юлию: как она отреагирует? Нет, все-таки девчонка молодец, сидит с непроницаемым лицом, будто не слышит его откровенно циничных слов. Далеко пойдет, красавица. И самое интересное для Забродина – узнать: как далеко? Насколько?

Валентин Семенов еще долго докладывал собранную информацию, а Забродин слушал и мысленно повторял: какие они идиоты! Нет, ну какие же идиоты! Очень любопытно узнать, как далеко заведет этих людей их собственная глупость. А финансовая культурка все-таки не помешала бы...

Первыми к упавшей с балкона девушке бросились дети, гулявшие с мамочками и нянями во дворе. Взрослые не успели опомниться от шока, как малышня уже окружила неподвижное тело. Следом кинулись женщины, истошно вопя:

– Олеся, иди сюда, не смотри!!!

– Господи!!!

– Ой!!!

– Гена, Гена, ты где? Дай руку, иди ко мне немедленно!!!

– Ужас какой...

– А я видела, я все видела...

– «Скорую» вызывайте!

– Милицию! В милицию звоните!

Кто-то достал мобильник и начал звонить, тут же послышались голоса советующих:

– Сначала в милицию...

– «Скорую» набирайте, «Скорую», может, она еще жива...

– В «Службу спасения» надо...

– Ноль-три не набирается...

– Да вы что, надо набирать сто двенадцать...

Женщина в короткой дубленке, которая первой сказала: «я все видела», протиснулась к телу и отшатнулась от вида крови, выделявшейся из ушей, рта и носа.

– Я все видела, – мертвым голосом повторила она. – Это Катя из девяносто первой квартиры, она там снимает... Ее сестра столкнула, я видела.

– Точно, – раздалось несколько голосов.

– И я видела, они стояли на балконе...

– Это точно Наташка, сестра ее, я ее по куртке узнала, красная такая...

– А я лицо не рассмотрела, все-таки высоко... Точно, что сестра?

– Да точно, точно, я ее узнала. Я их вместе с Катериной много раз видела.

– А где же она? Убежала, что ли?

– Так она ее и толкнула! Я видела!

– И я видела!

– И я...

В этот субботний декабрьский день «Скорая» приехала неожиданно быстро – подстанция была недалеко. Врач осмотрел тело, проверил пульс на шее, провел пальцем по роговице глаза, проверяя корнеальный рефлекс, отметил отсутствие дыхания и констатировал наступление смерти. Сделав запись в выездной карте «Скорой помощи» и в сигнальном листке, забрался в машину и стал ждать прибытия работников милиции, нервно поглядывая на часы. Обычно сотрудники патрульно-постовой службы успевали прибыть на место происшествия, пока врач осматривает тело, и ждать не приходилось, а сегодня что-то они припаздывали. Впрочем, ничего удивительного, город готовится к Новому году, все спешат в магазины за подарками или за необходимыми покупками перед отъездом на длинные новогодние каникулы, так что хоть и суббота, а «пробки» наверняка есть. За неделю до Нового года Москва «вставала» прочно и непробиваемо.

Приехали патрульные, врач в двух словах объяснил им ситуацию, связался по рации со своим диспетчером и уехал на новый вызов.

Старший патруля, полноватый рыхлый блондин лет тридцати, растолкал сгрудившуюся возле тела публику и прошел вперед.

– Что у нас тут? – усталым голосом спросил он. – «Парашютистка»? Кто видел, как все случилось?

– Я видела, – выступила вперед женщина в дубленке. – Ее сестра толкнула. Они обе стояли на балконе, а потом сестра ее толкнула.

– И я тоже видела, – вступила немолодая дама в норковой шубе. – Это Наташа, я ее знаю.

– Сколько времени прошло?

– Да полчаса будет, а то и больше, – охотно пояснила «дубленка».

Старший патруля о чем-то подумал несколько секунд, оглядывая многоподъездный дом, потом вздохнул.

– Ладно, уже все равно не поймаем... Сань, ты участкового не видишь?

– Да нет пока, – отозвался тот.

– А его вызвали?

– Должны были одновременно с нами послать. Пойти в опорный пункт поискать?

– Не надо, сам придет, – махнул рукой старший. – Я пока с дежурным свяжусь, пусть группу высылают, здесь явный криминал. А ты попроси, чтобы принесли покрывало или простыню какую-нибудь, тело прикрыть надо.

Он начал звонить в дежурную часть, а его напарник кинулся добывать что-нибудь, чем можно было укрыть от любопытных глаз то, что осталось от упавшей с высоты шестого этажа девушки.

Покрывало нашли, его принесла та самая дама в норковой шубе, она жила на первом этаже, идти ей было недалеко. Появился участковый, немолодой, невысокий, не особо торопливый, на первый взгляд похожий на сонную черепаху. Едва услышав о том, что произошло, он как-то весь подобрался, немедленно вытащил блокнот и начал переписывать тех, кто утверждал, что «все видел», особое внимание уделяя людям, с уверенностью называвшим имя убийцы – Наталья, родная сестра потерпевшей. Попутно организовал пару активных зрительниц для выполнения роли понятых при осмотре места происшествия: следственно-оперативная группа приедет и не будет терять время понапрасну.

Группа прибыла почти через полтора часа. Молоденькая девочка-следователь, сильно накрашенная, с белокурыми локонами по плечам, два оперативника, криминалист и судебный медик. Следователь была в этой команде самой юной, и участковый, усмехнувшись про себя, подумал, что в такой ситуации непонятно, кто кем будет руководить. Конечно, формально главный все-таки следователь,

процессуальное лицо, с этой пигалицы потом весь спрос, но что она умеет-то? А вот криминалист и судебный медик – мужики за сорок, явно опытные, знающие.

Девочка-следователь задала участковому пару вопросов, а услышав, что понятые уже готовы выполнять свой гражданский долг, недовольно нахмурилась. Участковый понял, что она хочет все делать сама, и еле сдержал улыбку. Глупенькая, не понимает, какое это везенье, когда тебе помогают. И ведь это нисколько не умаляет ее роли, не посягает на ее полномочия.

Осмотр места происшествия начался. Один из оперативников полез в карманы валяющейся в стороне куртки погибшей, но того, что искал, не нашел, вытащил только носовой платок, несколько монет, по рублю и по полтиннику, два старых чека из супермаркета.

– Ключей нет, – громко заявил он, обращаясь к следователю. – Я поднимался в квартиру, дверь заперта.

Потом разогнулся, потер спину, снова наклонился и начал обшаривать карманы джинсов, плотно облежавших крепкие стройные бедра.

– Нету, – повторил он и повернулся к толпе. – Кто знает, у кого еще могут быть ключи от квартиры?

– Так у хозяйки, – тут же откликнулась дама в норке. – Катя квартиру снимала у Ольги Валерьевны.

– А Ольгу Валерьевну как найти?

– Она в нашем доме живет, в пятом подъезде, – охотно объяснила дама, которая, кажется, знала всё и про всех.

– Квартиру не подскажите? – Оперативник благодарно улыбнулся ей и подошел поближе. – Нам бы ее найти поскорее.

– Не вздумайте открывать квартиру без меня, – строго проговорила девушка-следователь. – Ваше дело – найти ключи и хозяйку, потом меня позовете.

– Ну, само собой, – ответил оперативник голосом, каким обычно взрослые разговаривают с маленькими детками. – Куда ж мы без вас?

В сопровождении всезнающей дамы он скрылся в дверях пятого подъезда. Ему нужны были ключи от квартиры, с балкона которой упала девушка, чтобы осмотреть место, оценить, поискать следы или улики, да и высоту балконных перил надо обязательно измерить. Участковый заметил злой взгляд, брошенный девушкой-следователем в спину оперу: не нравится, что он сам что-то решил, не получив от нее руководящих указаний. А что ему, стоять и ждать, пока эта пигалица надумает, какое бы такое умное указание дать? Опер, видать, знающий, быстро сообразил, что нужно делать.

– Так, граждане, разошлись все, подальше, подальше, – раздался командный голос криминалиста. – Начинаем фотосъемку, в объектив никто не лезет. Дамочка, вы меня слышите? Возьмите ребенка и идите домой, и вы тоже, бабуля, отойдите, мне ваши фигуры рядом с трупом не нужны.

Упоминание о трупе сработало, как по волшебству: толпа немедленно отхлынула, дав криминалисту возможность снимать с разных ракурсов, делая привязку расположения тела к ориентирам на местности. Следователь сидела на скамеечке и, положив папку на колени, писала «шапку» протокола и вводные данные. Судебный медик присел рядом и закурил. С этим следователем он работал впервые, поэтому поинтересовался:

– Давно на следствии?

Девушка недовольно мотнула головой, дескать, не мешайте составлять документ, но через несколько секунд все-таки ответила:

– Год. С небольшим. А что?

– Это у вас первое падение с высоты?

– А что?

Ну, все ясно, подумал медик, одни вопросы «А что?» говорят сами за себя, падение с высоты у нее действительно первое, а может быть, и первый труп.

Девочка боится показаться неопытной и некомпетентной. А чего тут бояться? Отсутствие опыта и знаний – это нормально, если работаешь всего год с небольшим, и стесняться этого просто глупо. Каждая курица когда-то была яйцом. Опыт придет, и знания придут, но со временем. А девчонка, кажется, с характером, многого не знает, но никаких подсказок не потерпит. Ну и ладно. Видели мы таких самостоятельных. И хорошо знаем, что бывает потом.

Ему хотелось искрящегося белого снега, какой бывает только вдали от промышленных регионов. В Москве такого не увидишь, снег сероватый, тусклый, словно преждевременно состарившийся. Он работал в судебной экспертизе уже двадцать лет и до сих пор удивлялся тому, что вид мертвого тела на снегу производил на него впечатление куда более сильное, чем труп на траве, на голой земле, в помещении на полу или просто на асфальте. Откуда-то в его голове появилось представление о том, что снег и смерть несовместимы. Откуда? Наверное, что-то связанное с детскими воспоминаниями. Он часто думал об этом странном феномене, но ни сил, ни времени, ни особого желания копаться в подсознании у него не было. Может быть, дело в сопоставлении белого и красного...

Медэксперт глубоко затянулся сигаретой и перевел взгляд вверх, на тот балкон, с которого упала потерпевшая, оценивая наличие или отсутствие по ходу траектории полета разных препятствий, таких, как балконы, козырьки, фонари и другие выступающие конструкции, о которые тело могло удариться во время падения. Такие сведения необходимы для последующей оценки повреждений на теле, чтобы отличить то, что было получено во время падения, от того, что было получено в момент толчка или даже до него. Балконы по ходу траектории были, но, судя по локализации места приземления, девушка не должна была их задеть. Хотя надо будет поиметь это в виду...

– Тут на каждом этаже балконы, – произнес он, не отрывая глаз от стены дома.

– И что? – недоумевающе спросила следователь.

Ах да, это же ее первое «падение с высоты», она не понимает, что наличие балконов должно вызвать соответствующие вопросы в постановлении о проведении судебно-медицинской экспертизы. Если вопрос поставлен не будет, эксперт имеет право на него не отвечать. А потом начинается: а эти повреждения откуда? А это почему? А это где? Тело к тому времени уже захоронено, а там и до эксгумации дело доходит. Приятного мало.

– Ничего, – со вздохом ответил медик. – Пойдемте осматривать, криминалист уже закончил.

Он озяб, хотелось походить, подвигаться, может быть, даже пробежаться, чтобы согреться. Но почему-то не было сил. Ничего, сейчас он начнет работать, и через несколько минут ему станет совсем тепло. Так всегда бывало.

– Не командуйте, я сама знаю, когда что делать, – резко ответила следователь. – Вы что, УПК не читали? Осмотр места происшествия проводит следователь, и только следователь, а не вы. Прошу замолчать и высказываться только тогда, когда я вас об этом попрошу.

Судебный медик встал и подошел к криминалисту, который как раз укладывал аппаратуру в кофр.

– Откуда такая взялась? – спросил он. – Новенькая, что ли?

– Угу, – мотнул головой криминалист, – была помощником руководителя отдела, справки писала, отчеты, графики рисовала. А два месяца назад подалась в следователи. Да не парься ты, Михалыч, не обращай внимания на дуру молодую, со временем оботрется, обломается. Ты что, молодых следаков не видел? Попервой они все такие.

Медику стало противно. Криминалист прав, повидал он таких на своем веку и хорошо знал, как инструктируют начинающих следователей старшие товарищи: дескать, менты бездельники, их надо строить ежеминутно, чтобы тебя боялись, а судмедэксперты – все сплошь пьянь и болваны, потому что кого еще возьмут работать в морг? Туда люди попадают только по остаточному принципу – либо больше никуда не взяли, либо отовсюду уже выгнали. Похоже, блондиночка такой инструктаж тоже прошла и усвоила урок накрепко. Целый год она составляла бумажки для руководства следственного отдела и теперь считает, что разбирается в предварительном расследовании не хуже любого профи. А практических-то знаний – полный ноль! Ну что ж, он, эксперт с двадцатилетним стажем и ученой степенью кандидата наук, себя не на помойке нашел. Не хочет по-плохому – по-хорошему будет еще хуже.

Следователь, наконец, соизволила подойти к труп и приготовилась записывать под диктовку эксперта. Он раскрыл чемоданчик, достал и натянул на руки перчатки и приступил к осмотру. Первым делом – описание одежды и обнаруженных в карманах предметов.

– Начинайте с одежды, – дала указание следователь.

Эксперт удивленно посмотрел на нее и укоризненно покачал головой:

– Я вообще-то не в первый раз на месте происшествия, и даже не в сто первый. Уверяю вас, я отлично знаю свои обязанности.

– Делайте, как я говорю, – надменно произнесла она. – И в карманах не забудьте посмотреть.

Эксперт не стал спорить, поджал губы и приступил к работе. Опытный криминалист, не дожидаясь просьбы, молча протянул ему рулетку.

– Объектом осмотра является участок местности, – начал диктовать судебный медик, – прилежащий к западной стене дома номер... по улице... На данном участке расположен труп молодой женщины, на вид 25–30 лет. Труп лежит головой в сторону стены дома и на расстоянии 4 метра 90 сантиметров от нее. Труп лежит на правом боку, голова его повернута вправо и прижата к правому плечу. Левая верхняя конечность согнута в локтевом суставе под углом около 45 градусов, кисть ее прижата к животу. Правая верхняя конечность неестественно вывернута в плечевом и лучезапястном суставах, вытянута и отведена под углом около 90 градусов... Нижние конечности... Правая нижняя конечность... левая нижняя конечность... На трупе надеты футболка розовая...

А куртка в стороне лежит. Ну, понятно, девушка вышла на балкон, накинув куртку на плечи, не застегивая, потому она и упала далеко от тела.

Осматривая руки погибшей, он увидел на большом пальце правой руки кольцо с камнем.

– На большом пальце правой руки кольцо желтого металла с камнем сиреневого цвета...

Вообще-то странно. Кольцо намертво застряло как раз на суставе пальца, между первой и второй фалангами. Так кольца не носят, в этом месте украшение могло оказаться, только если его в тот момент снимали или надевали. Да и вообще на большом пальце кольцо с камнем выглядит странно. Он повернулся к следователю и оживленно сказал:

– Обратите внимание, как надето кольцо. Это может свидетельствовать...

– Это не ваше дело, – оборвала его блондинка, – занимайтесь своими медицинскими вопросами. Я сама все вижу.

Ну, видишь так видишь. Потом не жалуйся.

Тело лежало далеко от скамейки, записывать стоя было неудобно, и девушка присела на корточки, потом поднялась, снова присела. И почему в дежурной машине никогда не бывает раскладного стульчика для таких случаев? Или он был, но его уже кто-то заныкал?

– Попросите принести вам стул, – вполголоса посоветовал медик, – наверняка кто-нибудь откликнется и притащит из дома хоть табуретку, вон сколько народу кругом. Или пусть ящик какой-нибудь найдут.

– Я сама знаю, что мне делать, – холодно отозвалась она. – Определяйте лучше степень охлаждения трупа и время смерти.

Ого! Какие она слова знает! И с такими обильными познаниями она собирается руководить работой судебного медика?

«Ну и черт с тобой», – в сердцах подумал он, продолжая диктовать описание одежды погибшей и найденных при ней предметов. Потом достал из чемоданчика пузырек-пипетку с раствором пилокарпина и закапал в глаза трупа, чтобы зафиксировать скорость сужения зрачка. На ощупь оценил степень трупного охлаждения на открытых участках и на закрытых одеждой, специальным прибором измерил температуру внутренних органов, определил характер трупного окоченения.

– Трупное окоченение выражено в жевательных мышцах, – мерно и негромко диктовал он, – намечается в мышцах шеи, в других группах мышц отсутствует...

Закончив фиксировать в протоколе трупные явления, эксперт приступил к определению времени наступления смерти. Глянув в приклеенную изнутри на крышке чемодана таблицу, он что-то прикинул в уме, сопоставляя данные с полученными при осмотре результатами, и уверенно проговорил:

– Смерть потерпевшей наступила за полтора-три часа до момента осмотра трупа в семнадцать часов десять минут.

– Ну еще бы, – фыркнула следователь, пытаюсь согреть дыханием замерзшие на морозе покрасневшие пальцы, – время смерти точно известно по показаниям свидетелей.

Эксперт промолчал. Не вступать же в свару с этой девочкой? Ничего, пройдет время, она всему научится и сама все поймет. А ему надо заниматься осмотром трупа на предмет наличия телесных повреждений.

– Наблюдается обильное выделение крови из носа, рта, слуховых проходов, – диктовал он.

– Кровотечение, – вслух пробормотала следователь, проговаривая то, что писала.

– Не кровотечение, а именно выделение. – Медик уже с трудом сдерживал раздражение. – Записывайте так, как я диктую, ничего не меняйте.

– А какая разница? – Девушка подняла глаза от бланка протокола и с сердитым недоумением посмотрела на эксперта.

– Термин «кровотечение» применим только к живому человеку, – отрезал он и продолжил осмотр.

Судя по имеющимся повреждениям, падение девушки было все-таки свободным, не ступенчатым, то есть о перила расположенных на нижних этажах балконов она не ударялась. На ощупь эксперт определил наличие нарушений костей скелета, чтобы по преобладанию переломов в той или иной области тела

вынести предварительное суждение о том, на какую часть тела упал человек. На какой-то момент он забыл, что работает с молодым следователем, и не остановил ее вовремя, когда заметил, что девушка пишет подряд все то, что он произносит.

– Этого не нужно. – Он чуть повысил голос. – Это мое устное суждение, предварительное, как и суждение о причине смерти. Его не нужно заносить в протокол. Причину смерти мы официально называем только после вскрытия.

Следователь залилась краской, щеки запылали и сделались почти багровыми.

– Меня не интересуют ваши устные суждения, вы должны мне говорить только то, что важно для дела. Я пишу протокол, а не филькину грамоту, – отрезала она.

Эксперту стало одновременно и смешно, и жалко ее. Ну чего она тужится-пыжится? Сказала ведь, что сама все знает, вот он и не стал ее предупреждать заранее, в каком месте закончилась официальная часть и началась неофициальная, содержащая информацию «следователю для сведения». Призналась бы сразу, что не все знает, он бы помог, подсказал. Но ей, похоже, ни помощь, ни подсказки не нужны. Зато вести себя она не умеет. «Надо будет попросить заведующего в понедельник расписать мне этот труп на вскрытие, – подумал он. – Дураков учить надо. Не дай бог, придешь ты ко мне в секционную – я тебя научу экспертов уважать, тебе небо с овчинку покажется. Ты, коза, еще набегаешься ко мне за экспертным заключением!»

Оставшийся оперативник все время куда-то звонил по телефону, отойдя чуть в сторону, и следователь то и дело бросала на него настороженный взгляд, видно, побаивалась, что он без ее ценных указаний соберется что-то предпринимать. Судебный медик хотел побыстрее закончить и уехать до того, как сюда явятся руководители, которым наверняка уже позвонили и сообщили об убийстве. Вряд ли кто теперь сомневается в том, что налицо криминальная смерть, ведь он, эксперт, своими ушами слышал слова очевидцев, что какая-то девушка по имени Наташа столкнула с балкона свою сестру Катю.

Оперативник, наконец, сунул в карман телефон и подошел к ним.

– Есть адрес сестры. Сейчас поедем туда.

– Дождитесь руководства, – сухо бросила ему следователь.

– Да чего тянуть-то? Свидетели однозначно указывают на сестру, надо принимать меры к задержанию...

– Вы вообще соображаете, с кем спорите? – высокомерно спросила она. – Я руковожу работой следствия, а не вы. И решения принимаю тоже только я.

Сыщик невнятно хмыкнул, пожал плечами и, отойдя подальше, снова принялся названивать куда-то. Судебный медик закрыл чемоданчик и встал.

– Я закончил. Давайте распишусь в протоколе и поеду.

Он бросил взгляд в сторону санитаров давно подъехавшей «труповозки»: мужики сидели в машине с открытыми дверьми, курили и, судя по их веселым ромам, травили анекдоты. Вот с ними он бы и уехал, нечего ему тут время терять. Мысль о том, чтобы возвращаться в одной машине со следователем, неприятно резанула. Ему уже не было смешно. И жалость к этой амбициозной глупой девчонке тоже куда-то испарилась. Сейчас в судмедэксперте были только тупая усталость и глухая злость.

– Осмотр места происшествия еще не закончен, стойте и ждите, – бросила следователь, не глядя на него.

Это стало последней каплей. Больше он терпеть ее выходки не намерен.

– Моя работа здесь закончена, – грубо и громко проговорил эксперт. – Я дежурю, и меня в любой момент могут вызвать на другое место происшествия. Так что я сейчас уеду, а вы, милая моя, предъявляйте своему начальству протокол без моей подписи.

Санитары уже упаковали тело в черный пластиковый мешок с «молнией» и грузили труп в машину.

– Вы никуда не поедете, я вас не отпускала, – заявила следователь.

Ну да, конечно, сейчас. Эксперт молча повернулся и направился к «труповозке». Следователь жестом попросила участкового подойти к ней и скомандовала:

– Пишите направление в морг.

– Так тут же убийство, – удивился старый служака, – тут постановление надо писать, а не направление.

– Ну так напишите, – сердито ответила она.

– Так я ж не следователь. Постановления – это ваша работа.

– Вы меня не учите, я сама знаю, кто и что должен делать. Не умничайте, а выполняйте мои приказы, на месте происшествия главная фигура – следователь. Забыли? Так я напоминаю.

– У меня бланков нету, – проворчал участковый.

Блондинка с ехидной и в то же время победной улыбкой вынула из папки и протянула ему бланки. Участковый, недовольно хрюкнув, начал заполнять их «под копирку» – «шапку», потом, в свободной форме, изложение обстоятельств дела. Эксперт с любопытством наблюдал за происходящим, стоя возле машины, в которую он уже сунул свой чемоданчик. Ему хотелось залезть внутрь и хоть немного погреться, но в то же время было страшно любопытно посмотреть, чем дело кончится. Вот сейчас участковый дойдет до вопросов, которые следователь должен поставить перед судмедэкспертом...

– А вопросы-то какие? – спросил участковый.

– Что, сами не знаете? – слышалось в ответ. – Всему вас учить надо.

Участковый принялся ставить галочки напротив тех вопросов, на которые, по его разумению, надо было бы получить ответ. Судебный медик знал точно, что все пойдет наперекосяк и отмеченными окажутся вовсе не те вопросы, которые нужны на самом деле. И уж конечно, в этом постановлении не окажется никаких дополнительных вопросов, которые должен сформулировать именно следователь исходя из конкретных обстоятельств. Вот кого медику

действительно жалко, так это немолодого майора, который сейчас пыхтит над бланком постановления. Он служит давно, он опытен и хорошо понимает, что раздражать начальство лишний раз не следует, участковый вечно остается крайним, уж сколько раз проверено.

Наконец следователь подписала оба экземпляра постановления, один из них отдала санитарам «труповозки». Всё, можно уезжать.

Она бросила недоумевающий взгляд на сажающегося в фургон судебно-медицинского эксперта.

– Куда это вы собрались? Я вас не отпускала. Вы можете уехать только после того, как подпишете протокол.

Но он даже не повернулся в ее сторону. Просто захлопнул дверь. Машина тронулась.

– Не раздевайся, Тошка, пошли вниз, я тебе кое-что покажу!

Антон Сташис покорно повернулся и шагнул назад к лифту. Галка всегда была заводная и вечно что-то придумывала, с ней легко, может быть, именно поэтому у него и сложились с бывшей одноклассницей такие отношения, при которых все просто и никто никому ничего не должен, встречаются раз в неделю – и никаких взаимных обязательств.

Перед подъездом стояла новенькая блестящая «Мазда» последней модели.

– Ну, как? – радостно спросила Галина, кутаясь в светлую шубку, тоже, по-видимому, новую, во всяком случае, Антон прежде такой шубки на ней не видел. – Правда, здорово?

Он молча кивнул и направился к подъезду. Ничего не здорово. А наоборот, очень даже плохо. Неужели Галка сама не понимает?

Они поднялись в квартиру, разделись, и Галина предложила выпить кофе с пирожными. Антон согласился с удовольствием, сегодня был последний рабочий

день перед отпуском, он подбивал бабки и сводил концы с концами, вышел на работу в воскресенье, чтобы все доделать, пообедать не успел, страшно проголодался и устал. Вообще-то он рассчитывал на ужин у подруги, но и кофе с пирожными – тоже неплохо. А Галка что-то надулась, настроение у нее испортилось. Хотя чему удивляться, она же ждала, что он будет радоваться ее приобретению так же сильно, как и она сама, а Антон почему-то отреагировал вяло и равнодушно.

Да и как еще он мог реагировать? Не нравится ему Галкино стремление приобретать и приобретать, без конца и края, тратить деньги, которые самому Антону кажутся более чем сомнительными. Хотя вроде бы все правильно, все по закону: Галина Тишунина получила большое наследство. И все было бы нормально, если бы она повела себя по-другому.

Дело в том, что у Галины есть старший брат Анатолий Тишунин, который в свое время продал квартиру, чтобы вложиться в собственный бизнес. Бизнес у него был давно, но к тому моменту дышал на ладан. Вся его семья, жена и ребенок, прописались к Галине, иначе Анатолию не позволили бы продать квартиру. Теперь брат с женой и сыном живут на съемной квартире, бизнес спасти не удалось, и Анатолий работает менеджером в какой-то фирме. О том, чтобы заработать денег на собственное жилье, речь вообще не идет. И когда Галина два месяца назад радостно сообщила Антону, что получила наследство, он сказал:

– Здорово! Теперь ты сможешь дать Толику денег на квартиру, хватит ему по чужим углам мыкаться.

Галина тогда промолчала, и Антон расценил это как знак согласия, потому что все очевидно и обсуждать тут нечего. Больше они к этому не возвращались, Галина жила своей жизнью, делала какие-то покупки, Антон то и дело обращал внимание на появляющиеся новые вещи, вероятно, очень дорогие, но считал себя не вправе задавать ей вопросы о том, как она распоряжается наследством и кто вообще его оставил. В конце концов, это ее личное дело, а он ей не муж и не близкий друг, так, партнер по сексу раз в одну-две недели. Отношения у них были такие, которые дружбой назвать ну никак нельзя.

И тут вдруг Галка хвастается новой машиной!

– А ты Толику-то дала денег? – спросил Антон. – Когда новоселье?

– Вот еще! – фыркнула Галина. – С какой стати? Это я получила наследство, а не он. Он свое решение принимал, когда продавал квартиру и вкладывал деньги в бизнес. Разве я виновата, что он дела вести не умеет? Он будет ошибаться, а я – платить за это?

Антон был ошарашен, он пытался увещевать, уговорить, усовестить подругу. Как же так? Не может Галка Тишунина, которую он знает сто лет, с первого класса школы, оказаться такой бездушной и жадной.

– Но ведь вы родные брат и сестра. И тот, кто оставил вам наследство, это же ваш общий родственник. Значит, Толик в принципе тоже мог бы рассчитывать на эти деньги. Подумай хотя бы об этом.

– Да никакой он не родственник, – возразила она, – и к Толику никакого отношения не имеет. Он оставил деньги лично мне, мне, а не ему. И только я имею на них полное право.

– Да кто оставил-то?

Галина не сразу, но призналась, что вообще не знает наследодателя. И вот это Антона уже здорово насторожило. Он работал в уголовном розыске и отлично знал, какие неприятные последствия бывают от соприкосновения с деньгами, происхождение которых тебе неизвестно или непонятно.

– И за что тебе наследство? Ты же понимаешь, что это не может быть просто так. Значит, ты с ним знакома и оказала какую-то услугу.

– Не знакома я с ним! Я вообще это имя впервые от нотариуса услышала, когда меня разыскали и сказали, что мне причитается наследство.

Еще интересней! Или Галка врет и на самом деле прекрасно знает, кто и за что оставил ей деньги, или она – воплощение чистого и незамутненного легкомыслия. Но второй вариант как-то кажется сомнительным, ведь она неглупая женщина, занимает достаточно высокий пост в своей фирме, делает карьеру. Неужели она что-то скрывает?

– Но ты же взрослый, здоровый человек. – Антону не хотелось злить Галину, и он старался говорить так, чтобы это не звучало сердито или с упреком. – Ты прекрасно должна понимать, что так не бывает. Ты не в сказке про волшебников живешь.

– А вот и бывает! – Галка задорно улыбнулась.

Антон не спускал с нее глаз, внимательно следя за каждым жестом, за каждой позой Галины. Он пытался услышать правду, ту правду, которой не было в ее словах, и не слышал ничего, кроме того, что она говорила. Выходит, Галка не лжет?

А Галина принялась рассказывать о том, что их с Толиком родители всегда покупали лотерейные билетки и надеялись на выигрыш, и она в детстве тоже мечтала о деньгах, сваливающихся с неба. Для нее это нормально, как и для ее родителей. Кто сказал, что деньги надо обязательно зарабатывать? В мире полно случаев, когда они достаются просто так, так почему бы не ей?

– Все равно я на твоем месте узнал бы, что стоит за этим наследством. Это же просто неприлично – пользоваться деньгами, не понимая, откуда они взялись, – продолжал увещевать Антон, все еще надеясь, что она услышит его и согласится с доводами. Но Галина только расхохоталась в ответ:

– Ой, да что там понимать-то? Моя маманя, не будь она тем помянута, царствие ей небесное, была та еще гулена. Это я поняла, когда уже большая стала. Наверняка этот Георгий Петрович Чернецов был материным любовником и попутно моим папашей, вот и отписал мне деньги на смертном одре.

– Так ты бы выяснила.

– Да больно надо! Главное – деньги я получила, а откуда они – вопрос десятый. И даже вообще не вопрос.

– Но все-таки я считаю, что брату ты могла бы помочь, – с упреком проговорил Антон.

– Он считает! Да что ты можешь считать-то! Для тебя, может, и нормально, когда мужик поправляет свои дела за счет женщины, ты вон присосался к богатенькой дамочке, тащишь из нее денежки и ножки свесил. И думаешь, что все мужчины должны именно так решать свои вопросы. Конечно, тебе кажется нормальным, чтобы я Толю за свой счет тащила, а вот мне это нормальным не кажется. В конце концов, каждый должен сам есть свое дерьмо и сам платить за собственные промахи.

Антон поразили ее внезапная грубость и жесткость, ему стало неприятно. Ведь Галка отлично знает его ситуацию, зачем же попрекать его Элей? Разве он стремился к тому, чтобы, как она выразилась, «присосаться» к богатенькой дамочке? Разве он заставлял Элю, муж которой оставил его вдовцом, а его детей сиротами, работать у него няней без зарплаты? Это было ее решение, только ее, это было желание оказать посильную помощь, и Антон эту помощь принял с благодарностью, потому что никак иначе он не смог бы совместить работу и воспитание детей. Он с удивлением подумал о том, что за все время знакомства даже не подозревал о такой стороне характера Галины. Впрочем, это и понятно, ведь они совсем мало разговаривали, а если и разговаривали, то все больше ни о чем. Как дела? Все нормально. С шефом поцапалась. С шефом помирилась. Дети болеют. Вот и все.

В кармане звякнул телефон, сообщая о поступлении эсэмэски. Антон вытащил мобильник и прочитал: «Я ложусь спать когда ты предешь?» У восьмилетней дочки Василисы проблемы с русским языком, знаки препинания она не уважает, да и с орфографией беда.

Он сунул телефон в карман и поднялся. Во рту оставался приторный вкус пирожных, который в эту минуту показался ему отвратительным.

– Ты куда? – удивилась Галина. – Что-то случилось? Ты уходишь?

– Да, пойду. Домой надо.

– Не останешься? – В ее голосе звучало искреннее недоумение. – А чего тогда приходил?

– Хотел остаться, но не получается. Надо идти, – соврал Антон.

Идти ему никуда не надо было, все равно Васька уже ложится, и даже если он немедленно кинется домой, к его приходу девочка уже будет крепко спать. Но и оставаться после всего, что сказала Галина, он не хотел. Не мог Антон Сташис сейчас лечь с ней в постель.

– Жалко, – протянула она. – Ладно, иди.

Уже надев куртку, он еще раз внимательно оглядел Галину. Тонкий джемпер с глубоким вырезом соблазнительно открывал грудь, кожаные брючки тесно облегли бедра, и выглядела она значительно лучше, чем прежде. Во всяком случае, привлекательнее. И в самом деле жалко. Жалко, что он не может остаться. Антон успел поймать эту последнюю быструю мысль и удивиться ей: Галка вызывает у него желание, никак не совмещающееся с тем отвращением, которое он испытывает сейчас к ней, открывшейся ему с такой неожиданной стороны.

Отъезжая от ее дома, Антон пытался мысленно переключиться на что-нибудь приятное, чтобы отвязаться от мерзкого ощущения грязи и пошлости. Галка – алчное и глупое существо, ему противно, что он с ней столько раз спал, и в то же время ему страшно хотелось вернуться и остаться. Что-то в этом было неправильное и непонятное. Он стал думать о том, что скоро Новый год, который он наверняка проведет в обществе детей, не опасаясь внезапного вызова на работу: в этом году он написал рапорт на отпуск с 27 декабря, чтобы все зимние каникулы провести с сыном и дочерью. Мысли о детях всегда помогали ему вернуть себе хорошее настроение, помогли они и в этот раз.

Но беспокойство все-таки осталось. Что-то с Галкиными деньгами не так.

Гудение пылесоса всегда выводило из себя Маргариту Михайловну, хотя вообще-то она была женщиной спокойной и чрезвычайно уравновешенной, никогда не раздражалась и уж тем более не повышала голос. Но пылесос – это что-то особенное, не умела она смириться с его надсадным ровным воем. Именно поэтому Боря всегда считал, что у нее, у Марго, в квартире нет порядка. А порядок был, да еще какой! Каждая вещь на своем месте, и все продуманно, красиво, стильно. Просто пылесосить Маргарита Михайловна не любит и делает это быстро, за пять минут, просто потому, что надо. А вот Борис Леонидович с пылесосом дружит, постоянно его включает и наводит чистоту в своей квартире,

а заодно и в квартире соседки, с которой он уже давно живет практически одной семьей. Они и обязанности распределили: Борис пылесосит, а Марго за это его кормит, готовит на двоих. Правда, на этом семейственность и заканчивается, потому что бюджет у них все-таки раздельный, да и ночует каждый в своей квартире. Зато они удачно воспользовались тем, что у них общая тамбурная дверь, и устроили между своими квартирами дополнительный холл, в котором Борис повесил полки для книг, а Марго разместила многочисленные художественные фотографии с видами восточных пейзажей, не поместившиеся на стенах ее комнат. Тамбурную дверь в складчину поставили крепкую, стальную, и это позволяло обоим постоянно держать двери своих квартир открытыми друг для друга.

– Боря, тебе еще долго? – просительно произнесла Маргарита Михайловна. – У меня голова сейчас треснет.

– Уже заканчиваю, – весело отозвался Борис Леонидович, сверкнув в улыбке отличными зубами.

Высокий, стройный, длинноногий, он двигался легко, словно танцевал, и никто не дал бы ему его шестидесяти девяти лет. Единственное напоминание о возрасте – абсолютно лысый череп, но зато яркие черные глаза сверкают задором и азартом. Марго всегда любила его. Впрочем, не она одна; студентки, аспирантки и разного возраста научно-педагогические работники женского пола с ума сходили по Борису Леонидовичу Райнеру, буквально вешались ему на шею, и Борис Леонидович никогда не отказывал себе в удовольствии почувствовать себя любимым и обожаемым. Романы и романчики сопровождали его всю жизнь, да и теперь он без них не обходился, что всегда вызывало у Марго насмешливую улыбку и давало ей повод для бесконечных шуток на эту тему.

– А чего ты сидишь-то? – Борис оторвался от своего занятия и взглянул на нее. – Ты все сделала?

– Конечно. Много ли нам двоим надо?

– Ну как же, а гость?

– Это если Бог даст, – улыбнулась Марго.

Борис закончил уборку и выключил пылесос. Сразу стало тихо, и Маргарита Михайловна с облегчением вздохнула. Вот и все, приготовления к встрече Нового года окончены, в обеих квартирах чистота и порядок, на кухне стоят блюда с нехитрым, но любовно приготовленным угощением, можно и к подаркам приступить. Борис на минутку ушел к себе и тут же вернулся с книгой большого формата – подарочным изданием «Мудрость Конфуция» в обложке с золотым тиснением, на мелованной бумаге, с красивыми иллюстрациями. Марго увлекалась Конфуцием и подарку была искренне рада. Сама же она подарила Борису колоду карт «Таро йогов». Борис Леонидович с упреком покачал головой.

– Гоша, это же новодел, на таких картах гадать несерьезно.

Всю жизнь для всех Маргарита Михайловна Усольцева была просто Марго, и только Борис Леонидович Райнер называл ее Гошей – сокращение от Маргоши.

– Нет, – заупрямилась Марго, – это очень хорошая колода, мне сказали. И потом, там на картинках асаны, мне это нравится, мне это близко. Я специально тебе дарю эту колоду, чтобы ты мне на ней гадал.

Что поделать, вторым увлечением Марго после Конфуция была йога, которой она занималась с молодости, и после выхода на пенсию Маргарита Михайловна стала инструктором этой восточной практики, вела групповые и индивидуальные занятия с людьми в возрасте и с беременными.

– Да не буду я на ней гадать, – откликнулся Борис, – я ничего не понимаю в йоге, я ее не чувствую. Все-таки я должен чувствовать смысл изображения, чтобы что-то угадывать. Вот в Мифологическом Таро я ориентируюсь куда свободнее.

– А я тебе все объясню про асаны. Ну пожалуйста, Боренька, не отказывай мне.

Он с улыбкой махнул рукой. Марго все равно своего добьется, но и Борис легко свои позиции не сдаст. «Я не гадалка, – постоянно повторял он, – я ученый». Борис Леонидович, доктор исторических наук, знаток Древней Греции, профессор, преподающий в нескольких вузах, увлекался тарологией, но не как мистик, а как исследователь. Ему в какой-то момент вдруг стало интересно, «как это работает». Он часто говорил Марго:

– Все-таки карты Таро существуют много веков, значит, что-то в этом есть. Если бы это было совершенно нежизнеспособно, оно бы просто умерло. А гадание на Таро живет и процветает. Значит, есть какой-то механизм, который срабатывает. Я как ученый-исследователь хочу его понять.

И он действительно занялся исследованиями, сопоставляя расклады, сделанные на конкретных людей или на конкретные ситуации, с реальным положением вещей, вел подробные записи, анализировал их – одним словом, привнес в изучение карт Таро весь свой опыт научной работы. А вот к попыткам Марго воспринимать гадание серьезно он относился со смехом, поскольку гадалкой себя не считал.

– Гошка, а у нас ведь в этом году юбилей, – заметил Борис Леонидович, аккуратно сворачивая длинный шнур от пылесоса.

– Какой? – удивилась Маргарита Михайловна.

– Мы в десятый раз выходим на охоту за гостем. Это надо отметить.

– Разве в десятый? – Марго наморщила лоб и принялась считать. – Боря, ты же профессор, а с арифметикой отношения так и не наладил. В первый раз это когда случилось?

– На Миллениум.

– Вот именно. В 2001 году. И десятый раз у нас был в прошлом году, а в этом уже одиннадцатый.

– Ах ты, черт возьми! – Борис Леонидович расстроился. – Мне почему-то казалось, что, если от одиннадцати отнять один, останется десять, так, во всяком случае, всегда было в той арифметике, которую я изучал в средней школе. А у тебя арифметика какая-то другая, как будто ты не в советской школе училась.

– Боря, но я же всю жизнь была бухгалтером, за мной можешь не пересчитывать, я в цифрах не ошибаюсь, – засмеялась Марго.

– Ну да, ну да. – Он горестно покачал головой. – Будем считать, что ты права. А я-то уже обрадовался, что можно будет отпраздновать. Выходит, мы с тобой в прошлом году юбилей пропустили. Обидно!

– Не горюй, – утешила его Марго, – все поправимо. Одиннадцать – тоже хорошее число, можно его отпраздновать. Мы когда пойдем?

Райнер взглянул на часы, что-то прикинул в уме.

– Давай в одиннадцать, что ли... Ну да, правильно, раз уж мы с тобой решили, что будем праздновать именно число одиннадцать, то за час до Нового года и пойдем.

В 2001 году Марго и Борис собирались встречать Новый год и в начале двенадцатого вдруг спохватились, что нет хлеба. Вместе вышли в ближайший магазин, работавший круглосуточно, и на улице увидели, как какой-то мужчина поскользнулся и упал. Они кинулись к бедолаге, хотели помочь подняться, но мужчина отчего-то не вставал, и они с изумлением поняли, что он сидит на заснеженном тротуаре и плачет. Ему было лет сорок пять, может, чуть больше, и Марго с Борисом решили, что он очень сильно ударился, а то и сломал ногу и плачет от боли и шока. Борис предложил поймать такси, чтобы незнакомец успел к новогоднему столу, но мужчина только головой покачал:

– Мне некуда идти. Ничего не нужно, оставьте меня.

Ну, вот уж на это Маргарита Усольцева и Борис Райнер пойти никак не могли! Как это так: оставить упавшего, да к тому же плачущего человека на улице в новогоднюю ночь. Немыслимо! И неправильно. Ведь есть же примета: как Новый год встретишь, так его и проведешь, и нельзя допустить, чтобы этот мужчина провел весь год в тоске, слезах, боли и с чувством одиночества. Марго не была красноречивой, зато Борис за словом в карман не лез и аргументы умел находить всегда, поэтому уже через десять минут они, купив хлеб, втроем возвращались в квартиру Маргариты Михайловны: у нее было три комнаты, а у Бориса всего две, поэтому гостей всегда принимали в ее доме.

Незнакомец постепенно успокоился, отогрелся, наелся, немножко выпил, рассказал свою историю, которая ему казалась невероятно печальной и сложной, а для них прозвучала совсем обыкновенно: такие истории случаются

каждый день. Но Марго и Борис гостю об этом, конечно же, не сказали, а проявили сочувствие, понимание и оказали моральную поддержку. Утром гость ушел от них совершенно умиротворенный и пообещал, что постарается воплотить в жизнь все полезные советы, которые они ему дали. Целый год он постоянно звонил Борису Леонидовичу, к которому проникся большим доверием, и докладывал о своих успехах по выходу из тяжелой ситуации. Каково же было удивление Марго и Бориса, когда 31 декабря 2002 года на их пороге возник прошлогодний страдалец в компании с еще одним мужчиной, которого он представил как своего друга:

– Вы так помогли мне, такие правильные советы мне дали, и в самом деле получилось, как вы и предсказывали: я весь год провел именно так, как встретил праздник, вокруг меня были добрые порядочные люди, которые меня очень поддерживали. Вот я и хотел вас попросить: а можно мой друг встретит Новый год с вами вместе? У него проблемы...

Разумеется, и этот Новый год встречали втроем. Опыт им понравился, живой, энергичный, быстрый Борис мгновенно находил варианты выхода из самых запутанных ситуаций, а мягкая, спокойная и безмятежная Марго умела убедить человека в том, что неразрешимых проблем нет и все обязательно получится.

На следующий год они за час до полуночи вышли на улицу, чтобы найти очередного гостя, нуждающегося в помощи. С тех пор так и повелось. Конечно, не все гости были приятными и умными, один гость их обокрал, другой напился мертвецки и испоганил весь праздник, были и такие люди, которые принимали помощь и советы, а потом исчезали и больше не появлялись. Одна девушка, например, страшно боялась, что ее завлекли, чтобы порезать на органы. Потом, правда, искренне хохотала сама над собой. Одним словом, опыт был разным, в том числе и отрицательным, но из десяти человек пять-шесть остались в круге общения, постоянно звонили, приходили, предлагали помощь, рассказывали о своей жизни, спрашивали совета.

Без пяти одиннадцать Маргарита Михайловна надела простую, немаркую, теплую куртку и натянула удобные сапоги без каблуков на каучуковой подошве, которая не скользила. Она подумала, что, наверное, оделась неправильно, потому что Борис, обожающий «даты и праздники», наденет что-нибудь нарядное, но, к счастью, ее сосед вышел в своей обычной одежде. Впрочем, этого и следовало ожидать, если Боря во что-то влезал, то заставить его снять это и надеть что-нибудь другое было невозможно. И ровно в одиннадцать они

вышли из дома.

Степка уже совсем сонный, но хочет дождаться Деда Мороза и не желает уходить в детскую. Посреди комнаты стоит такая нарядная елка, вся в гирляндах и серебристом «дожде», и каждый уголок квартиры заботливо и с выдумкой украшен руками няни Эльвиры и детей, ну как же можно уходить спать от такой красоты? Антону страшно жалко малыша, он так ждал праздника, так хотел чуда, но есть режим, который для такого маленького мальчика пока еще обязателен.

– Никаких Дедов Морозов не бывает, – со смехом заявила братишке восьмилетняя Василиса. – Ложись спать, подарки получишь завтра.

– А ты со мной пойдешь? – спрашивал Степка у сестры.

– Нет, я уже взрослая, – гордо отвечала Вася, – я останусь с папой и Элей встречать Новый год.

Степка хныкал, упирался, но Антон проявил твердость и вместе с няней уложил ребенка.

– А ты, значит, не веришь в Деда Мороза? – спросил он у дочери, вернувшись в гостиную.

Васька наморщила носик.

– Что я, маленькая?

– А подарки ждешь?

– Конечно! Вы с Элей обязательно мне что-нибудь подарите. А я – вам.

– Ну что ж, – Антон весело потер руки, – тогда не станем ждать полуночи, а будем дарить подарки.

Вася тут же убежала в детскую, где спал Степа, тихонько открыла дверь, чтобы не разбудить брата, и принесла давно приготовленные и заботливо спрятанные подарки. Антону она подарила макет дома, Эле – стихотворение, которое написала сама, переписала на большой лист бумаги и украсила аппликацией. Коробочку, предназначенную для маленького братишки, девочка заботливо поставила под елку.

Антон с любопытством рассматривал подарок, он хорошо помнил, что делать его Васька затеяла еще в начале ноября и Эля тогда объясняла ему, что у девочки очень сложный замысел, поэтому делать надо заранее, чтобы иметь запас времени на переделку, если что-то не получится с первого раза. Обе они – и няня и дочка – свято хранили свою маленькую тайну, прятали от Антона все следы своей секретной работы, и результат их трудов он действительно впервые увидел только сейчас. Макет дома был выполнен из картона, внутри расставлена мебель из бумаги, все нарисовано и раскрашено. В домике четыре куколки, две побольше, в сшитых из лоскутков взрослых одежках, одна поменьше, в платьице, и пупс в штанишках и футболочке. Под потолком на толстой нитке висит белый ангел с крыльями.

– Это ты, папа, – принялась объяснять Вася, – это Эля, это Степка, а это я. Похоже?

– Очень, – искренне ответил Антон. – Здорово сделано, ты молодец. Все сама или Эля помогала?

– Сама, – тут же вступила Эля. – Все идеи Васиной, я только советами помогала, если она не знала, как идею воплотить.

– А ангел зачем? – спросил Антон.

– Это мама, – очень серьезно произнесла Василиса. – Она теперь на небе и оттуда наблюдает за нами и помогает нам, охраняет нас. Если бы она нам не помогала, у нас бы не было Эли. Как бы мы с тобой тогда жили? Кто Степку из сада забирал бы? И вообще, без Эли мы бы пропали. Это мама нам ее прислала вместо себя.

Антон почувствовал, как у него перехватило горло. Он бросил взгляд на няню и понял, что эти слова она уже слышала раньше. Наверное, Вася делилась с ней

своими соображениями, пока делала макет.

Василиса громко и торжественно зачитала стихотворение, написанное для Эли, вручила няне красиво оформленный текст и вопросительно посмотрела на взрослых.

– Теперь ваша очередь подарки дарить.

Антон вышел в свою комнату и принес три пакета, маленький – для Эли и два больших – для детей. Степкин пакет занял свое место под елкой рядом с принесенной Василисой коробочкой. В Васином пакете оказалась теплая зимняя куртка. Эля подарила Антону брелок для ключей в виде выполненного из золота прыгающего ягуара, Степке – трансформер, а девочке куклу Винкс, которая показалась Антону просто необыкновенной, совершенно сказочной, в ярко-бирюзовом платьице и с крылышками за спиной. В его детстве таких кукол не существовало... Вася надела куртку, пару раз крутанулась в ней перед зеркалом, сняла и буквально вцепилась в куклу. До самого боя курантов она так и не выпустила подарок из рук и ушла спать, прижимая куклу к груди.

Но до того, как Василису отправили в детскую, Антону позвонила Галина.

– С наступающим тебя, – проворковала она, словно ничего не произошло. Да и что, собственно, произошло? Ну, пришел любовник с намерением приятно провести время, но ему позвонили, и пришлось прервать свидание. Эка невидаль! Ничего обидного в этом нет. Она ведь не поняла, почему на самом деле Антон тогда ушел от нее.

– И тебя, – откликнулся Антон.

– А что ты мне пожелаешь в Новом году? – игриво спросила Галина. Антон понял, что она уже празднует и немного выпила в хорошей компании.

– Я тебе желаю не наделать глупостей с твоими большими деньгами.

– Фу, какой ты скучный, – недовольно протянула она. – Нет бы пожелать мне хороших покупок и веселых поездок. Ты даже в праздник собираешься учить меня жизни и читать мораль.

– Галка, дуреха, я вовсе не собирался портить тебе праздник, я только хочу, чтобы ты меня услышала. Не бывает больших денег просто так, за этим всегда что-то стоит. И на твоём месте, прежде чем эти деньги тратить, я бы все-таки выяснил, за что ты их получила. В противном случае мне придется думать, что ты меня обманываешь.

– Я – тебя? – неприятно удивилась Галина. – В чем обманываю?

– Ты отлично знаешь, кто и за что дал тебе такие деньги, но это какая-то некрасивая, постыдная история, которую ты стесняешься мне рассказать. Может быть, ты совершила что-то подсудное? Галка, опомнись, пока не стало поздно.

– Ну перестань, Тоша! Не морочь мне голову. В общем, с Новым годом тебя, здоровья тебе и твоим деткам. Ладно, пока.

Антон закончил разговор и горестно покачал головой.

– Что-то случилось? – встревоженно спросила Эля. – Вас кто-то расстроил?

Он в двух словах рассказал о непонятно откуда взявшемся наследстве своей подруги и о ее упорном нежелании выяснять, кто и почему оставил ей целое состояние.

– Да, – Эля согласно кивнула, – большие деньги – это всегда опасно, если ты их сам не заработал. Я понимаю, отчего вы тревожитесь.

– Почему опасно? – удивленно вмешалась Василиса. – Разве это плохо, когда много денег? Можно же закупить шоколада, мармелада, зефира и фанты и объедаться целыми днями. Это же здорово!

Антон обменялся с няней скептическими взглядами, и оба одновременно усмехнулись. Наверное, каждый из них вспомнил себя в детстве, когда огромная куча сладостей казалась недостижимой мечтой, выше которой ничего не может быть. Но не объяснять же это ребенку, да еще в новогоднюю ночь!

– Пап, а это правда, что в Новый год можно загадывать желание и оно обязательно сбудется?

– А ты хочешь загадать про кучу шоколада и мармелада? – улыбнулся Антон.

– Да нет. – Девочка досадливо тряхнула темными, как у отца, волосами, забранными на затылке в толстый пушистый хвостик. – Я про другое хочу загадать. Можно?

– Ну, давай, рискни, – разрешил Антон.

– Понимаешь, у нас в классе на двери висит список учеников и тех, кто их забирает из школы, это для учителей, чтобы они знали, кому можно ребенка отдавать. Так вот, у всех ребят в классе записаны родители, бабушки с дедушками и няни, а у меня записана только Эля, как будто у меня родителей нет.

Антону стало стыдно. Конечно, девочке неприятно, папа никогда не ходит на родительские собрания, и все в классе думают, что у Васи никого, кроме Эли, нет.

– Можно я скажу учительнице, чтобы она тебя вписала в список?

– Васенька, но я же не смогу тебя забирать, у меня такая работа. Я своим временем не распоряжаюсь. Ты же знаешь, я тебе объяснял.

– Пап, ты не волнуйся, не надо меня забирать, пусть Эля забирает, но пусть ты будешь в списке, чтобы все знали, что у меня есть папа, как у других.

– Конечно, скажи учительнице, пусть меня впишет.

Мало, непростительно мало внимания он уделяет детям! Да, у них есть няня и они накормлены и присмотрены, но им, как выяснилось, нужно не только это. Надо проводить с сыном и дочкой как можно больше времени, тем более что в школе теперь каникулы, и ясли тоже закрыты на две недели, и ведь он специально просил, чтобы ему предоставили на работе отпуск именно в это время, хотел побыть с детьми. Правильно он сделал, надо только не забыть о своих благих намерениях. Но он и не забудет. Может быть, только потратит совсем немного времени на Галкину проблему, раз уж она сама не понимает всей опасности ситуации. Но он-то понимает, а Галка ему все-таки не чужая. Да,

в последний раз она действительно показалась ему неприятной, незнакомой и чужой, но ведь двадцать лет знакомства просто так в форточку не выкинешь, да и факт близости, пусть и не скрепленной теплыми дружескими отношениями, тоже не отменишь.

Около часа ночи Васю отправили спать, а Антон и Эля остались сидеть за столом.

– Про ангела Васька сама придумала или это вы подсказали? – спросил он.

– Сама, – кивнула няня. – Я только придумала, как укрепить фигурку, чтобы она казалась парящей. А уж откуда она взяла, что я появилась у вас благодаря помощи ее мамы, я понятия не имею. Она мне эту идею озвучила как нечто само собой разумеющееся. А что, вас это беспокоило?

– Да нет, в самой идее нет ничего плохого, но я не верю, что Васька могла сама до этого додуматься. Если не вы ей подсказали, то кто? У нее есть кто-то взрослый, кто вкладывает в ее голову такие идеи, а мы с вами этого не знаем? Это неправильно.

– Боже мой, Антон, – рассмеялась Эльвира, – по-моему, вы чрезмерно подозрительны. Я понимаю, вы сыщик, и вам всюду мерещатся злодеи. Но поверьте мне, Вася очень взрослая и умная девочка, она много читает, и не только детские книжки, так что в ее головке еще и не такие идеи могут появиться. Меня другое беспокоит.

– Что именно? – настороженно посмотрел на нее Антон.

Эльвира помолчала несколько секунд, будто собираясь с духом, видно, хотела сказать что-то не особенно приятное. И почему о неприятном нужно говорить непременно и именно в новогоднюю ночь? Неужели в другое время нельзя? Но, с другой стороны, Антон Сташис прекрасно понимал, что при его работе время вот так спокойно посидеть и поговорить выпадает ох как нечасто.

– Что будет, – негромко начала няня, – когда Вася узнает, что лишилась матери из-за моего мужа? Пусть и бывшего, но из-за человека, который был со мной когда-то тесно связан. Представляете, какой для нее будет шок?

Два года назад обалдевший от денег и водки муж Эльвиры устроил на улице пальбу из пистолета, и шальная пуля попала в Риту, жену Антона и маму Васи и Степы. Убийцу осудили и отправили в места лишения свободы, а его жена, желая хоть как-то искупить вину супруга, предложила Антону посильную помощь. Да, Эля права, когда-нибудь вопрос встанет, и как Васька отреагирует на ответ – одному Богу известно.

– Надо сделать так, чтобы она не узнала, – ответил Антон.

– Но как? Пройдут годы, Вася вырастет и спросит, кто тот человек, который застрелил ее маму. Она имеет право знать, и вы должны будете ей ответить. Вы же не станете ей врать, правда? И потом, он рано или поздно отсидит и выйдет на свободу, и где гарантия, что он не появится рядом со мной, с вами, с Васей?

– Значит, я сделаю так, что это известие не будет для нее шоком, – решительно ответил Антон. – Я придумаю, найду слова и выберу подходящий момент, чтобы все ей рассказать. Но это вопрос не сегодняшнего дня и даже не завтрашнего. Время есть. Скажите-ка мне лучше, Эля, я что, промахнулся с подарком? Мне показалось, что Ваське куртка не понравилась, а ваш подарок она из рук не выпускала. Кстати, почему эта кукла с крылышками? Вы такую специально выбирали или других в магазине не было?

– Ой, Антон, вы ничего не понимаете, – расхохоталась Эльвира. – Кукла Винкс – это самый писк моды у девочек ее возраста. У всех в классе уже есть такая кукла, а у Васьки нет, и она очень расстраивалась. Куртка ваша замечательная, но ведь это же Новый год, это праздник не простой, а волшебный.

– Но Васька не верит в Деда Мороза, – возразил Антон.

– Ну и что? Пусть Деда Мороза не существует, но радости-то хочется, хочется волшебства, хочется, чтобы исполнялись самые заветные желания. Вот такое заветное желание было у нашей Васи, и я его исполнила. А куртка – что ж, куртка – это вещь нужная, полезная, но не волшебная. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю, – тяжело вздохнул Антон.

Все-таки он преступно мало внимания уделяет своим детям. Даже не знает, какие у них заветные желания. И про список на двери класса тоже услышал сегодня впервые. Он и учительницу-то не знает, потому что в школу всегда ходит Эля. Нет, решено, пока длятся новогодние каникулы, он будет проводить со Степкой и Васей каждую свободную минуту.

Они с няней долго сидели за столом, пили сначала кофе, потом чай, ели всевозможные вкусности, приготовленные и купленные Элей, обсуждали детей и множество самых разных вопросов, периодически посматривали на телевизионный экран, но так ничего интересного и не дождались и около пяти часов разошлись: Эля уехала на своей машине к себе домой, а Антон улегся спать.

Но сна не было, в ушах звучал голос Галины, то веселый и игривый, как несколько часов назад по телефону, то полный ярости и презрения, как в их последнюю встречу. Антон, привыкший обращать внимание не только на то, что ему говорят, но и на то, как говорят, стал вспоминать весь тот разговор у нее дома. Глаза Галины, ее кривящиеся губы, кисти ее рук, которыми она подчеркивала смысл своих слов, ее позу, поворот головы, даже ритм ее дыхания. И вдруг словно услышал то, что осталось за кадром и не было произнесено: «Ты ходишь ко мне потому, что я одинока и тебе это удобно. У меня нет никого, кроме тебя, на меня не позарился ни один мужик, потому что я некрасива и не очень стильно одета, зарплата не позволяет одеваться в по-настоящему дорогие шмотки. И на дорогого косметолога, которого нужно посещать не меньше двух раз в неделю, у меня нет денег, и на дорогого парикмахера, и на хороший фитнес. Мне хватает только на жизнь. Я плачу за квартиру, езжу на старой дешевой машине, покупаю более или менее приличные продукты и раз в год летаю на не самый дорогой курорт, покупая билеты эконом-класса. Я очень стараюсь сделать карьеру в своей фирме, я на хорошем счету, и когда-нибудь меня обязательно повысят, но пока что моя зарплата мало что мне позволяет. И такая я нужна только тебе, тебе, вдовцу, которому просто нужно иногда справлять физиологические потребности и который не хочет глубоких отношений. А меня ты спросил? Ты уверен, что меня все это радует? У меня просто нет выбора, и я соглашаюсь на то скудное, что ты мне предлагаешь. А я хочу большего! И это большее у меня будет, как только я начну нормально выглядеть и чувствовать себя красивой и модной. Я не хочу, чтобы мной пользовались, не хочу быть раком на твоём эмоциональном безрыбье. Я хочу, чтобы меня хотели. Чтобы меня добивались. Чтобы меня любили, в конце концов. И если без денег этого добиться невозможно, то я буду пользоваться деньгами, откуда бы они ни пришли и какими бы грязными ни были. Разве это ненормально

для молодой женщины: хотеть быть желанной?»

Антону стало муторно. Если все так, как он понял, то что же ему делать? Он не может позволить себе по-настоящему близких отношений с женщиной, потому что рано или поздно встанет вопрос о браке и общих детях. Это будет означать, что ему, оперативнику с Петровки, придется содержать неработающую жену и троих (это как минимум) детей. На какие, позвольте спросить, шиши? Говорят, что с первого марта милиция будет называться полицией и зарплаты якобы поднимут, но что-то Антон сильно сомневается. То есть в том, что их переименуют, сомнений нет, это уже решено точно, а вот насчет денежного содержания – очень большой вопрос. А если жена будет работать, то кто останется с тремя детьми? Няня? На это денег нет, а рассчитывать на Эльвиру при таком раскладе просто неприлично, она ведь вызвалась помочь одинокому вдовцу, а вовсе не счастливому молодожену. И вообще, самое главное – это дети, его дети, а как они воспримут его новую женщину? Элю они приняли и полюбили, но это огромная удача, на которую вряд ли можно рассчитывать еще раз. Его задача – оставаться хорошим отцом, и это означает, что ни о каких любовных отношениях в ближайшее время и речи быть не может. Поэтому он и выбрал Галку Тишунину, в которую – он точно знал – он не влюбится никогда. Как же поступить? Бросить Галину, не приходить больше к ней? Или наплевать на все и продолжать эту ни к чему не обязывающую связь? С одной стороны, Галка показала себя истинной стервой, и ему неприятна мысль о близости с человеком неумным и корыстным. Но почему-то та же самая мысль его будоражит и против его желания рисует какие-то картинки, от которых ему самому стыдно...

Нет, все-таки надо проверить, что там с этими Галкиными деньгами. Да, он дал себе слово проводить во время каникул каждую минуту с детьми, но можно же как-то исхитриться. Не будет Антону Сташису покоя, пока он не выяснит, в чем там дело.

На этот раз с погодой на Новый год москвичам повезло, было не очень холодно, зато с неба плавно падали пушистые снежные хлопья, мягко оседавшие на воротниках, шарфах и ресницах. Маргарита Михайловна и Борис Леонидович быстрым шагом вышли из подъезда, перешли дорогу и уже не спеша отправились вдоль бульвара в сторону станции метро. От украшенных иллюминацией деревьев на бульваре становилось одновременно радостно и немножко грустно, а высокая нарядная елка из чего-то искусственного, стоящая

перед входом в метро, вызывала странное чувство собственной неуместности, ненужности и закончившегося праздника. Маргарита Михайловна уже не в первый раз ловила себя на этой неожиданной мысли: наряженная елка так хороша и так нужна 25 декабря, 26-го и 27-го, и даже 30-го, когда идет период «подготовки к радости», а вот вечером 31-го, когда на улицах почти совсем пусто и на город опускается зимняя неприветливая тьма, елка в огнях и игрушках отчего-то вызывает непонятно откуда берущееся ощущение того, что праздник закончился, так и не начавшись, или он все-таки состоялся, но где-то в другом месте и для других людей, а ты его так и не увидел и не успел порадоваться.

– Опять смотришь на елку и грустишь? – понимающе спросил Борис Леонидович, хорошо знавший свою подругу-соседку.

Марго молча кивнула.

– Ничего, сейчас найдем кого-нибудь, и ты отвлечешься. Смотри, дамочка какая-то стоит, на вид вполне себе неприкаянная. Может, это наша клиентка?

Они замедлили шаг и стали присматриваться к хорошо одетой женщине, которая нервно ходила от выхода из метро до елки и обратно, то и дело посматривая на часы.

– Да нет, – неуверенно сказала Марго, – она, похоже, ждет кого-то.

– А если не дождется? – предположил Борис. – Представляешь, Новый год на носу, а ей идти некуда, она тут до полуночи так и прождет.

– Ну, подождем, – согласилась Марго, – понаблюдаем за ней.

Шаг женщины становился все медленнее и постепенно терял нервность и уверенность, теперь во всей ее осанке, в опущенной голове и ссутулившихся плечах читалось недоумение и готовность расплакаться.

– Ну? – Борис вопросительно взглянул на соседку. – Пошли к ней? Время уже поджидает.

Они успели сделать всего три шага, когда из с визгом затормозившей машины выскочил мужчина и кинулся к незнакомке. Она бросилась к нему, они крепко поцеловались и быстро сели в автомобиль.

– Облом-с, – констатировал Борис. – А осталось у нас с тобой всего полчаса.

Они обошли здание станции метро и двинулись дальше по бульвару. У пешеходного перехода толпилась группка молодежи с бутылками в руках и с сумками, Марго по опыту знала, что в сумках лежат петарды, которые после боя курантов начнут разрывать пустоту и тишину полночных улиц. Это мода такая у нынешних молодых – встречать Новый год на улице, а не в помещении, за столом, как было принято раньше. По проезжей части пролетали машины, в которых сидели люди, опаздывающие к праздничному застолью. Вроде бы все говорило о надвигающемся торжественном моменте, но все равно вид нарядной елки, возле которой никого не было, вызывал необъяснимую грусть. Почему-то вспомнилось стихотворение Окуджавы «Прощание с новогодней елкой»:

Ель моя, Ель – уходящий олень,

Зря ты, наверно, старалась...

И дальше:

Ель моя, Ель, словно Спас-на-Крови,

Твой силуэт отдаленный,

Будто бы след удивленной любви,

Вспыхнувшей, неуголенной.

И, как всегда, от этих слов у Маргариты Михайловны на глаза навернулись слезы, которые она не стала вытирать, чтобы Борис не заметил. Просто запрокинула голову и потрясла ею, тихонько шмыгнув носом. Но Борис, конечно же, все равно заметил, однако виду не подал, знает, что Марго не любит, когда он видит ее расстроенной и слабой. Спасибо ему, он всегда понимал ее, как никто.

Они прошли еще несколько шагов, их обогнали две бегущие девушки, у одной из них в руках была сумка-переноска, из которой выглядывали блестящие перепуганные глазки китайской хохлатой собачки.

– Стой, – Марго схватила Бориса за рукав, – смотри.

Перед ними на скамейке, закрыв лицо руками, сидел молодой мужчина, сгорбленный, будто раздавленный горем. Они отступили за дерево и несколько минут смотрели на него. Мужчина ни разу не взглянул на часы, то есть стало очевидно, что он никого не ждет и никуда не опаздывает. И вообще, за эти несколько минут он ни разу не пошевелился, не переменил позу, не отнял рук от лица. Марго и Борис решительно двинулись к нему.

– У вас что-то случилось? – мягко и негромко спросила Маргарита Михайловна. – Мы можем вам чем-то помочь?

Мужчина поднял голову, и в неверном свете фонарей они увидели, что он совсем молод, почти мальчик. В лице его были тоска и отчаяние, и Марго даже показалось, что в глазах блестят слезы. Он молча смотрел на них и не произносил ни слова.

– Через двадцать минут наступит Новый год, – произнес Борис, – а вы тут сидите. Это неправильно. Вам есть куда пойти?

Молодой человек покачал головой, по-прежнему не сказав ни слова.

– Тогда вы пойдете с нами, – решительно продолжал Райнер. – Знаете, есть такая примета: как Новый год встретишь, так его и проведешь. Если вы останетесь здесь, то весь год будете тосковать и отчаиваться, причем в полном одиночестве. Разве вы хотите для себя такого будущего?

– Вы кто? – хриплым шепотом спросил парень. – Что вам от меня надо?

– Мы хотим, чтобы вам стало легче, – все так же мягко проговорила Марго. – Чтобы вы сбросили с себя хотя бы небольшую часть той тяжести, которую сейчас несете. Смотрите, как она вас придавила, вы даже встать не можете. Пойдемте с нами, отогреетесь, посидите, покушаете, мы вместе встретим Новый год. Если

пожелаете – расскажете нам, что у вас случилось. Не расскажете – мы не будем приставать к вам с расспросами и лезть с советами. Обещаем.

Борис сделал шаг и оказался вплотную к молодому человеку. Крепко ухватив его за плечо, он потянул юношу к себе и вынудил подняться со скамейки.

– Пойдемте, пойдемте, мой юный друг, хуже вам точно не будет, а вдруг да и лучше станет, – приговаривал он, увлекая незнакомца по бульвару в сторону дома.

Парень почти не сопротивлялся, с трудом сделал несколько шагов, а потом выпрямился и вполне бодро пошел рядом с Борисом. Марго шла чуть сзади, смотрела на них и думала: «Вот что значит молодость! Только что он был раздавлен каким-то горем, казалось, идти вообще не может, но стоило только чуть-чуть подтолкнуть, придать совсем небольшой импульс – и он уже доверчиво идет рядом с Боренькой и не пытается убежать. Неужели мы все в молодости были такими доверчивыми и умели так быстро перестраиваться?»

– Гоша, ты там не отстаешь? – обернулся Борис. – Успеваешь за нами?

Вопрос был не праздным, у высокого длинноногого энергичного Райнера шаг стремительный и широкий, и если он куда-то спешил, то маленькая Марго обычно за ним не поспевала. А в этот момент он действительно торопился, потому что до Нового года оставалось не более десяти минут, так что Марго приходилось почти бежать. Но ей, занимавшейся йогой на протяжении тридцати лет, это было нетрудно.

В квартиру Марго они ворвались без четырех минут двенадцать, оставленный включенным телевизор работал, и прямо с порога они услышали поздравительную речь президента.

– Успели, – выдохнул Борис, сбрасывая башмаки, и понесся в кухню прямо в куртке и в одних носках. – Раздевайтесь, только быстро! – крикнул он. – Я открываю шампанское!

Марго и гость разделись и, не тратя время на надевание домашней обуви, кинулись в комнату, где на столе стояли три комплекта чистых приборов и блюда с закусками. Когда Борис разливал в бокалы шампанское, Марго кинула

взгляд на юношу и поразились: при ярком свете люстры стало видно, какое породистое и красивое у него лицо. А вот глаза потухшие, и темные круги делают их горькими и больными.

– С Новым годом! – торжественно провозгласил Борис под бой курантов.

Все чокнулись, выпили, молодой человек поставил пустой бокал на стол и сделал шаг к двери.

– Спасибо, – все так же глухо произнес он, – я пойду.

– Куда это? – с негодованием воскликнул Райнер. – Куда вы собрались, друг любезный?

– Не знаю, – парень пожал плечами, – куда-нибудь. Мне все равно куда.

– Э, нет, так не пойдет. – Борис подошел к нему и почти насильно усадил за стол. – Мы вас в таком состоянии не отпустим. Давайте-ка, поешьте как следует, посидите, придите в себя. Проведете здесь всю ночь, а утром, когда метро откроется, можете уматывать, куда пожелаете. Вас здесь никто силком удерживать не станет, но и отпускать вас в таком виде просто бесчеловечно. И кстати, раз уж мы вместе встретили Новый год, так давайте хотя бы познакомимся. Меня зовут Борисом Леонидовичем, а это Маргарита Михайловна.

– Можно просто Марго, – с улыбкой вставила она. – А вас как величать?

– Ленар.

– Какое имя! – удивилась Марго. – Никогда такого не слышала. Оно не русское?

– Татарское. Я из Казани, – ответил гость, не поднимая глаз от скатерти, которой был покрыт праздничный стол.

– В отпуск приехали? Или только на новогодние каникулы? – любопытствовал Борис.

– Я здесь живу и работаю.

– Да? И кем, можно узнать? Нет, – тут же спохватился активный Борис, – это я просто так спрашиваю, из чистого любопытства. Я помню, мы обещали в душу к вам не лезть и ни о чем не расспрашивать. Но мне как ученому просто интересно, кем можно работать в Москве, приехав из Казани. У вас какое образование? Только школа или институт тоже?

– Факультет журналистики и социологии Казанского университета, – тихо пробормотал гость. – А что? С таким образованием у вас в столице делать нечего?

Марго показалось, что в его голосе прозвучал вызов. Неужели у мальчика в этом вопросе кроется болезненная мозоль? И неужели именно из-за этого он впал в такое отчаяние?

Но Борис, похоже, ничего не заметил и продолжил расспросы:

– Вот мне как раз и интересно, что молодой человек с таким образованием может делать в Москве. Чем вы на жизнь зарабатываете?

– Курьер в интернет-магазине, – коротко ответил Ленар. – А что? По-вашему, это недостойная работа?

– Более чем достойная, – успокоила его Марго. – Просто жаль времени, потраченного на ваше образование. Неужели другой работы в Москве не нашлось? По специальности.

– Да нет, работа есть, – пожал плечами Ленар.

По его равнодушному тону стало понятно, что тему развивать ему неинтересно. Марго стала накладывать в тарелки угощение, еда была простой, не деликатесной, но очень вкусной и приготовленной с душой.

– Вы поешьте, Ленар, – заботливо сказала она, кладя на маленькую хлебную тарелочку треугольный пирожок с рисом. – Поешьте, и вам станет легче, много раз проверено.

Ленар поднес пирожок ко рту, откусил, начал было жевать и вдруг заплакал. «Ну вот, – с облегчением подумала Марго, – лед тронулся. Сейчас мальчик оттаит и начнет рассказывать, а там, глядишь, и мы с Боренькой чем-нибудь помочь сможем».

Маргарита Михайловна и Борис Леонидович молча и терпеливо ждали, пока гость сможет взять себя в руки. Ленар плакал тяжело и скупно, как и все мужчины, не всхлипывая и вообще не издавая ни звука, только вытирал пальцами слезы, катившиеся из глаз, да судорожно сглатывал. Через несколько минут Борис протянул ему чистый носовой платок. Ленар вытер лицо и руки и мучительно покраснел.

– Простите. У вас праздник, а я тут со своими переживаниями... все вам испортил... Я пойду, наверное.

– Ну вот еще! – фыркнул Борис. – Куда это ты пойдешь? Ничего, что я на «ты»? Мне кажется, разница в возрасте вполне позволяет. Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– И что же с тобой приключилось такое в двадцать пять лет, что ты на Новый год остался один на один со своей бедой? Не хочешь поделиться? Я помню, помню, я обещал не лезть, но предложить-то я должен, правда?

Ленар наконец поднял голову и печально посмотрел сначала на Бориса, потом на Марго.

– Спасибо вам за участие. Я вам очень благодарен, правда. Но зачем вам мои беды, когда у вас праздник? Не хочу портить вам настроение. Я лучше все-таки пойду.

Борис перехватил взгляд Марго, красноречиво говорящий: «Не держи его, отпусти, перестань уговаривать».

– Хорошо, твоя воля, – ответил Райнер. – Тебе пирожков с собой завернуть?

Ленар отрицательно покачал головой, встал и вышел в прихожую. Он молча натянул куртку, влез в ботинки и внезапно сполз по стене, присел на корточки и разрыдался уже в голос. Его трясло, он никак не мог справиться с собой и очнулся только тогда, когда обнаружил себя сидящим на диване в окружении Бориса и Марго.

– Ну вот, – констатировал Райнер, – это называется «я ушел». Да куда тебе идти-то в таком состоянии? Ты и двух шагов не пройдешь. Давай-ка ты сейчас снова разденешься, разуешься, спокойно сядешь и все нам расскажешь. Даже если мы тебе не сможем ничем помочь, тебе все равно станет легче, хотя бы от того, что ты уже не один со своей бедой, а нас как минимум трое.

Ленар молча кивнул, отер лицо рукавом свитера и отправился в прихожую.

– Ванная направо! – крикнула ему вслед Марго. – Тапочки на полке, темно-синие.

Через несколько минут он снова появился в комнате, уже без куртки, на ногах темно-синие теплые шлепанцы без задников, волосы влажные, лицо умытое и сосредоточенное.

– Только начинай с самого начала, – предупредил Борис Леонидович. – Я, видишь ли, по профессии историк, люблю танцевать от печки, чтобы было понятно, что было раньше, а что потом.

Ленар Ахатович Габитов, двадцати пяти лет, приехал в Москву из Казани несколько месяцев назад. Живет у дальних родственников, которые в Москве осели еще в начале семидесятых годов прошлого века и имеют квартиру. Работает курьером в интернет-магазине. Его любимую девушку по имени Наташа арестовали и обвинили в том, что она убила свою младшую сестру. А Ленар точно знает, что она не убивала и убить вообще никак не могла, потому что в тот день они все время были вместе, с самого утра и до позднего вечера, когда он проводил Наташу домой, где у входа в ее квартиру на нее набросились и надели наручники. Следователь начал допрашивать Наташу, а оперативник по фамилии Шведов позвал Ленара на кухню и стал задавать ему вопросы. Ленар честно все рассказал, по минутам расписал, как они с Наташей провели день, но этот Шведов оказался страшным ксенофобом, едва увидев паспорт Ленара и прочтя его имя, сразу сморщился и заявил, что такие гастарбайтеры, как он, никакого доверия у следствия не вызывают. Ленар пытался возмущаться, убеждать,

доказывать, но Шведов обозвал его «чернозадый лимитчиком» и велел заткнуться, а иначе следователь упечет молодого татарина за лжесвидетельство, потому что ему, Шведову, совершенно очевидно, что Ленар просто-напросто пытается составить ложное алиби своей сожительнице. Он так и сказал: «сожительнице», а не подруге или хотя бы любовнице. И Ленара это почему-то оскорбило даже больше, чем слова о «чернозadem лимитчике и гастарбайтере». А другие милиционеры в это время обыскивали Наташину квартиру и нашли деньги. Много денег. Эти деньги и послужили главным доказательством того, что она убила сестру.

Наташу увезли, на следующий день Ленар ходил в милицию, искал, с кем можно поговорить, кому объяснить, что Наташа не виновата, его отфутболивали из кабинета в кабинет, потом соизволили сказать, что объяснения надо давать не здесь, а в следственном комитете, это совсем в другом месте. И фамилию следователя назвали. Ленар поехал, долго сидел внизу, возле входной двери, ожидая, пока до следователя дозвонятся и он согласится его выслушать и выпишет пропуск. Прождал почти целый день, хорошо, что на работе попросил отгул. Но все было напрасно. Следователь его выслушала и не поверила ни одному слову. И что ему теперь делать, Ленар не понимает. Как помочь Наташе? Как доказать, что она не убивала свою сестру? Как заставить следователя поверить в его показания? Он как чувствовал, что не будет добра от денег, которые неизвестно откуда взялись.

А сегодня вообще произошло такое, после чего Ленар даже не смог вернуться домой, к дяде Рифату и тете Динаре. Как сел на лавочке на бульваре, так и просидел несколько часов.

Сегодня хоронили Наташину сестру Катю...

Певец взял фальшивую ноту, но нисколько не смутился и продолжал гнать всеми любимый хит. Владимир Григорьевич Забродин искоса глянул на сидящую рядом жену: Анна, обладающая отменным слухом, фальшь заметила и болезненно скривилась. Вся прочая публика на такие тонкости внимания уже не обращала, все были возбуждены и подогреты обильным хорошим спиртным. По залу бесшумно и плавно сновали официанты с подносами в руках, на импровизированной сцене сменяли друг друга самые известные в стране артисты, музыканты и певцы, а ведущий праздника, кинозвезда, изо всех сил старался быть веселым и заводным. Впрочем, ему это удавалось, все-таки он был

настоящим профессионалом.

Владимир Григорьевич окинул взглядом переполненный зал и тихонько тронул жену за руку:

– Анюта, я прогуляюсь, что-то здесь душновато.

– Разве? – удивленно откликнулась Анна. – А мне кажется, даже зябко немного. Во всяком случае, здесь точно не душно. Ты здоров, Володя? Может быть, у тебя начинается бронхит и тебе просто не хватает дыхания? Хочешь, поедem домой?

Он хотел. Но так рано уезжать неудобно, хозяин новогоднего приема – его давний знакомец и партнер по бизнесу, обидится еще. Надо протянуть хотя бы часов до трех, а сейчас только четверть второго.

– Нет-нет, – торопливо успокоил он жену, – я в полном порядке. Просто засиделся. Пойду пройдуся по зданию, выйду на улицу, подышу морозом.

– Накинь что-нибудь, – заботливо проговорила ему вслед Анна, – не выходи раздетым.

Забродин кивнул на ходу и стал пробираться к выходу из зала. Он хорошо знал это здание, в котором бывал не раз, и, не раздумывая, поднялся на третий этаж, где были бильярдная и библиотека. Из бильярдной доносились голоса и тянуло табачным дымом, туда Забродин даже заглядывать не стал и сразу толкнул дверь, ведущую в библиотеку. Здесь было пусто, темно и тихо, как раз то, что он искал. Он включил свет и уселся в мягкое глубокое кожаное кресло. Прикрыв глаза, стал вспоминать прежние праздничные приемы по случаю дней рождений и всяческих презентаций, в том числе и те, которые проводились здесь же. Удивительно, как раньше ему все нравилось! Как весело было, с каким удовольствием он общался со старыми знакомыми и заводил новых, с какой готовностью смеялся шуткам известных артистов-юмористов, приглашенных хозяевами, с каким упоением любовался красивыми молодыми девушками, которых на такие приемы привозили специально для развлечения гостей. И куда все делось? Почему стало скучно, пресно, неинтересно? Раньше он не любил встречать Новый год в России, старался уехать куда-нибудь, то в Штаты, то в Европу, то в теплые страны, где в январе можно было плавать и загорать, ездил иногда с женой, иногда с подругами. В прошлом году впервые не поехал. Не

захотел. Стало скучно. И в этом году тоже остался дома. Была бы его воля – он бы и на прием не пошел, отсиделся бы в своем просторном доме, может, посмотрел бы хорошее кино, а может, и вовсе спать улегся бы. Праздник больше не будоражил. И поездки не привлекали. На этот прием он отправился исключительно потому, что все в его тусовке знали: Забродин остался в Москве, и не появившись он хоть где-нибудь в новогоднюю ночь, сразу поползут разговоры, мол, с ним что-то не так. А зачем ему такие разговоры? У Забродина репутация мужика крепкого, сильного и физически здорового, и не нужно давать людям повод сплетничать о том, что он слабеет. Да и Анну развлечь хотелось, все-таки она так много занимается своей работой и своей наукой, света белого не видит, разве правильно лишать ее праздника? Но боже мой, как же ему тошно! Анюта, девочка, все видит, все знает, понимает, как ему все обрыдло, старается хоть чем-то отвлечь, заинтересовать, то поездку какую-нибудь предложит, то разговор заведет о чем-то нетривиальном, но все ее попытки тонут в мутном болоте равнодушия и безразличия, которое затопило душу миллиардера Забродина.

Вся надежда только на его новую затею, которая, похоже, себя оправдывает. Лишь она способна вывести Владимира Григорьевича из состояния тупого раздражения и безысходности. Следующее заседание он назначил на 6 января, не посчитался с тем, что у всех должны быть каникулы и люди хотят куда-то уехать, провести время с семьями. Плевать ему на чужие семьи и чужие планы, он такие деньги платит не за то, чтобы с ними считаться. Помощники явятся как миленькие, никуда не денутся. Скорее бы наступило 6 января! Хоть какое-то развлечение.

Уже три часа ночи, а Ленар Габитов все рассказывал свою историю. Рассказывал путано, перескакивая с одного на другое, но Марго и Борис не перебивали его, слушали внимательно. И сам Ленар слышал себя словно со стороны и, к своему ужасу, понимал, что поверить в его слова очень трудно. Почти невозможно. Слишком неправдоподобно звучал его рассказ.

У его девушки Наташи Аверкиной была младшая сестра Екатерина. Наташа старше Ленара на шесть лет, ей 31 год, а Кате было 26. Мать их оставила около десяти лет назад, вышла замуж и уехала с мужем в другой город, а заботу о шестнадцатилетней Кате поручила старшей дочери, Наташе, которой в ту пору исполнился всего 21 год. До этого они жили втроем в маленькой однокомнатной квартирке, в которой девочки после отъезда матери остались одни. Потом

Наташа вышла замуж и переехала к мужу, а квартира осталась Кате, девочке очень красивой и яркой, которая надеялась при помощи собственной жилплощади и хорошей внешности наилучшим образом организовать свою личную жизнь. При этом голова у младшей сестры была забита картинками из глянцевого журналов и дурацкими телевизионными рекламами непонятно кем придуманных стандартов красоты, она мечтала о том, чтобы сделать серию пластических операций и довести свою внешность до идеала. Чем ближе к этому идеалу, считала Катерина, тем выше шансы выйти замуж за миллионера. Работала Катя официанткой в кафе, сначала ездила через весь город, тратила на дорогу по два с половиной часа, потом сняла жилье совсем рядом с работой, свою квартиру сдала и переехала, одной арендой другую оплачивала, так теперь многие делают. Жила, как все девчонки, встречалась с подружками, с парнями, ходила по клубам, если кто-то за нее платил, выкраивала из зарплаты денежки на более или менее модные одежды. Одним словом, жила так, как живут тысячи и миллионы девушек в нашей стране. И мечтала о том же, о чем мечтают тысячи и миллионы.

И вдруг Катя получила какое-то наследство, поистине огромное, и стала все деньги тратить на себя. Начала наводить справки о клиниках, где можно сделать эти самые операции, совсем потеряла голову, даже с работы уволилась, зачем, дескать, корячиться на работе, когда можно жить на наследство. И целыми днями занималась только своей будущей красотой, и разговоры все у нее только о красоте и тряпках.

– Прав был Конфуций, – покачала головой Маргарита Михайловна, – когда сказал: «Я не видел, чтобы люди любили добро так же, как красоту». И почему, в самом деле, все так носятся с внешней привлекательностью и совершенно не думают о привлекательности душевной? Ведь весь мировой опыт показывает, что внешняя красота никому и никогда не приносила настоящего счастья, а все равно все рвутся к ней. Ладно, а что Наташа? Ее не обижало, что сестра вообще не собиралась с ней делиться? И кстати, ты сказал, что Наташа переехала к мужу. Она что, до сих пор замужем? Ты встречаешься с замужней женщиной?

– Нет, что вы, она давно развелась, – ответил Ленар. – Муж при разводе оставил ей квартиру, в ней она и живет. А вот насчет обиды – даже не знаю, но скорее всего она не обижалась на Катю. Наташа очень ее любила и хотела, чтобы у Катерины было все, о чем она мечтает.

Наташа и в самом деле не обижалась, только как-то мельком сказала, что Катя пообещала ей денег дать, а потом передумала, не дала. Но не могла же она убить! Наташа вообще не такая, тем более что она действительно в момент преступления была с ним, с Ленаром. А ее арестовали. В милиции ему сказали, что у Кати пропали деньги, а у Наташи при обыске нашли какой-то документ, свидетельствующий о том, что на следующий день после смерти сестры она собиралась перевести крупную сумму на счет клиники в Швейцарии. И деньги нашли, а на пачках с купюрами отпечатки Кати, то есть это точно ее деньги, так Ленару сказал адвокат, которого назначили. Как они оказались у Наташи – непонятно. И все соседи из Катиного дома утверждают, что видели Наташу, видели, как она пришла, как стояла с Катей на балконе и толкнула сестру с шестого этажа. Это ему тоже адвокат рассказал. Вообще он какой-то странный, Ленару кажется, что он ничего не делает, только присутствует при допросах Наташи, а потом пересказывает Ленару, что спрашивал следователь и что отвечала Наташа. Он, конечно, не знает всех тонкостей работы адвоката, но у него такое впечатление, что защитник совсем не старается, потому что работает бесплатно, по назначению.

И как могло получиться, что все соседи видели Наташу, Ленар не понимает. 25 декабря у него был день рождения, он с утра позвонил Наташе и попросил провести этот день вместе в качестве подарка. У нее были какие-то другие планы, она некоторое время колебалась, потом согласилась, сказала, что постарается перенести встречу на другое время. Ленар заехал за ней, и они вместе отправились в большой торговый центр на окраине Москвы, болтались по магазинам, выбирали подарок для Ленара, два раза перекусывали в кафешках, потом зашли в кино, посмотрели фильм, потом снова пили кофе с тортом и поздно вечером, примерно в начале двенадцатого, приехали к Наташе. А ее арестовали...

– Погоди-ка, Ленар, – перебил его Борис Леонидович, – как так могло получиться, что есть две родные сестры, и при этом одна получает наследство, а другая – нет. Это как-то странно, прямо скажем. Там что, имели место семейные скандалы с разрывом отношений?

– Так в том-то и дело, что нет, – горячился Ленар. – Наташа вообще понятия не имеет, кто оставил Кате эти деньги.

– Большие деньги-то? – поинтересовался Борис.

– Боря, – с упреком произнесла Марго, – ну как не стыдно. Спрашивать про чужие деньги – это дурной тон.

– Ничего не дурной тон, – возразил Борис. – Я собираю информацию для дела, а не проявляю праздное любопытство. Так большое наследство-то было?

– Восемь миллионов рублей.

– Сколько-сколько?! – в один голос воскликнули Марго и Борис.

– Восемь миллионов, – повторил Ленар.

– Это ж получается двести тысяч евро, если перевести на общепонятный язык, – сказал Борис. – Ничего себе наследство. И от кого оно?

– Я же говорю: Наташа не знает. И Катя не знала. Просто получила – и все. И начала тратить на свою красоту.

– Хорошо, – вздохнул Борис. – Хотя, конечно, ничего хорошего в этом нет, во всяком случае, все это звучит крайне странно и неправдоподобно. Одна сестра убила другую, потому что одной сестре привалило богатство, а другая чувствует себя обделенной. Вот в это поверить очень даже легко. А в то, что говоришь ты, поверить и в самом деле трудновато. Но допустим, ты действительно больше ничего не знаешь. А что за счет нашли в квартире у Наташи? При чем тут швейцарская клиника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksandra-marinina/boy-tigrov-v-doline-tom-1>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)